

Библиотека газеты «Дзержинский шахтёр»

Литературно-художественный альманах

На семи

ветрах

Дзержинский
ШАХТЁР

Дзержинск - 2012

**ББК 84 (Укр-Рос)
Ч-75**

Коллективный литературно-художественный альманах «На семи ветрах» - 148 с.

Литературное приложение к газете «Дзержинский шахтёр» - 2012

85200 Донецкая обл., г. Дзержинск ул. Маяковского - 26

Рег. свидетельство ДЦ № 2114 от 15.03.2004 г.

Коллективный сборник авторов литературной студии «Муза», при газете «Дзержинский шахтёр».

Редколлегия:

Иван Нечипорук (Горловка)

Наталия Ковальская (Горловка)

Ирина Кузнецова (Харьков)

Александр Гораин (Чернигов)

Богдан Головченко (Киев)

© Литературная студия «Муза» - 2012

© Газета «Дзержинский шахтёр» - 2012

О рождении и становлении литературной студии «Муза»

О рождении и становлении литературной студии «Муза» при «Дзержинском шахтере» вспоминает редактор газеты Владимир Демьяненко: «В те годы [60-е] литературная студия при редакции городской газеты - явление уникальное. В небольшой комнатке всегда не хватало стульев - порой и коридор был плотно забит начинающими литераторами, а то и просто любителями поэзии, заглянувшими "на огонек". Руководил литстудией учитель Филипп Трофимович Гаврилов. Вместе с будущим Тарапунькой (Юрой Тимошенко) они еще в довоенный период были отмечены туристскими путевками за литературные начинания.

А пока опытный литератор учил молодых тому, что так четко сформулировал Лев Толстой - чувству меры, умению отбирать нужное слово, правильно ставить его в сочетании с другими словами в предложении. Длительное и кропотливое это дело! Шла первичная обработка металла. Крутая стружка из-под резца завивалась синеватыми кольцами, до шлифовки, полировки изделия было ой как далеко! Врач Мария Кожан, педагог Дмитрий Падра, горняк Григорий Нелепа, оператор машиносчетной станции Людмила Сафонова, воспитатель детсада Александра Трунова, учитель труда Иван Пивовар - да разве всех перечислить, жадно впитывали каждое сказанное слово, учились литературному мастерству.

Через несколько лет литературная студия Дзержинска стала хорошо известна в писательских кругах области. Подборки стихов и прозы, даже целые страницы дзержинцев публиковались в журнале "Донбасс".

Все мы вышли из "Шинели" Гоголя... Перефразируя известное выражение, можно достоверно утверждать, что многие литераторы и журналисты вышли из этой литстудии.

Писатели с союзными именами - Валентин Солоухин, Борис Белаш, Виктор Руденко, Галина Щербакова начинали свой литературный путь с этой газеты.

За последующие годы издали свои книги Евгений Седнев, Владимир Демьяненко, Станислав Коваль, Григорий Нелепа, Василий Березуцкий, Анатолий Симагов, Александр Негода, Людмила Калинин, Иван Волосюк - список далеко не полный. Сейчас

руководит литстудией одаренный человек, прекрасный педагог Любовь Васильевна Карнаухова.

В третьем тысячелетии в студию влились новые авторы, чьи стихи и проза были включены в коллективные сборники «Уголь и слово», «Встряска».

В горловском альманахе «Восхождение» и журнале «Пять стихий» были опубликованы стихи Аллы Дашкеевой, Людмилы Калинин, Светланы Шемякиной, Любви Карнауховой.

Среди очарованных странников в мире поэзии, связавших свою душу с литературной студией «Муза», люди самых разных профессий и устремлений: почетный гражданин Дзержинска, лауреат премий В. Шутова и М. Матусовского – Евгений Седнев, психолог Надежда Масюк, экономист Светлана Шемякина, землеустроитель – Наталья Вукотич, педагоги – Алла Дашкеева и Наталья Гусева, филологи – Любовь Карнаухова, Инна Оларь, Лариса Фирсова, историки – Людмила Калинин и Александр Чиненов, мастер производственного обучения – Борис Бочаров, горняки – Герой Украины Николай Гринев, Александр Сущенко, Сергей Стропорез (Болтенков), медик Валентина Пащенко, инженер-электронщик – Александр Челаков, студенты – Ярослав Слуцкий и Михаил Маляров. Всех их роднит одна общая черта – святая к творчеству любовь.

В данном, третьем по счёту, коллективном сборнике представлены проза и поэзия авторов III тысячелетия.

**НАШИ
ВETERАНЫ**

МИХАИЛ БЕЗМЕНОВ

Родился 11 октября 1922 года в деревне Евтихиевка Орловской области. С 1936 года – житель г. Дзержинска. Первое стихотворение написал в 1937 году, которое было опубликовано в газете «Дзержинский рабочий». Является ветераном литературной студии «Муза». Постоянно публиковался в газете «Дзержинский шахтер». 22 октября 2012 года Михаилу Безменову исполнится 90 лет.

ДУМЫ МОИ

О, думы, думы... Сколько вас
В моей головушке роится:
То вы сорветесь в перепляс,
То разлетитесь, словно птицы,

То строго выстроитесь в ряд,
То приютитесь на скамейке?
Не зря в народе говорят,
Что думы – это чародейки,
Что с ними каждый человек
Надежно связан постоянно,
Как с ярой зимушкой – снег,
Как с сирой осенью – туманы.

Март 2001

ГИТАРНАЯ СТРУНА

Семиструнная гитара
В умных мастера руках,
То смеялась, то рыдала,
То парила в небесах.
Вдруг на взлёте небывалом
Звонко лопнула струна,
Сразу горько застонала,
Гибель чувствуя, она.
Без неё не будет лада,
Как не мучайся в игре.
Ой, гитара, ой, отрада,
Стало грустно на заре.
Так и в жизни человека,
Если что-то отпадёт,
Тут, конечно не до смеха,
Нужен действенный подход.

24.05.2008

* * *

Над полем зреющего хлеба,
Под высью купольного неба,
Вьется жаворонка песня.
Что может быть ее чудесней?
Она журчит, переливаясь,
Творя своих мелодий завязь,
Да так, что слушателя сердце
Парит от мастерства умельца.
Дающий радость чародей
С вершины вольности своей
Самозабвенно шлет и шлет
На землю кружево щедрот.
Любуясь краем неохватным,
Вдыхая воздух благодатный,
Я песней жаворонка полон
И всей округой очарован.

Июль 2005

СОЛОВЬИ

Спешит, спешит весна-нарядница,
Одеть, стараясь молодости плат.
Зелёный дым листвы сгущается,
Деревьев кроны сблизиться спешат.
Весь день звенит пернатых гомон,
А вечером их приютит ночлег.
Лес тишиной сторожкой наполнен,
Лишь филина озвучивается смех.
Когда заря у ночи уж решилась

Бразды правления принять свои,
Ей принося природную учтивость,
В кустах запели робко соловьи.
И неотвратно сольные их пеня
Лес наполняли, словно паруса.
Летит по лесу соловьёв уменье
Свои рассыпать трелью голоса.

16.10.2007

СТОРОНКА РОДНАЯ

Утро пригожее встало –
Рождению дня предтеча.
Солнце мало-помалу
Зажгло вековые свечи.
Развеялась муть ночная,
Искрится роса на травах.
И вей-ветерок, играя,
Порхает в кустах кудрявых.
Певуньям лесным не спится,
Привет посылают друг другу.
А воздух под всполох зарницы
Плывёт, заполняя округу.
Я день этот любу встречаю,
И сердце моё веселится.
Воспрянь же, сторонка родная,
Моя несравнимая птица.

20.05.2009

ВАСИЛИЙ БЕРЕЗУЦКИЙ

Родился 3.03.1927 года в с. Гороховка Нижне-Калитвянского района Воронежской области. Ветеран Великой Отечественной Войны - участник боевых действий. Окончил художественную школу. Работал художником на ЦОФ «Дзержинская». Стихи и прозу начал писать с юности. Публиковался в газете «Дзержинский шахтер», автор книги «Тернистые дороги» (2000)

ЮНОСТЬ ОТЦА

Вот он, Дон раздольный –
Тихая река,
Юности приволье,
Песня казака.
Алые рассветы,
Плеск родной волны –
Первые приметы

Радостей весны.
Отзвучала юность
В грозной стороне
Ночью белолунной
На лихом коне.
Здравствуй, Дон любимый,
Здравствуй, друг ты мой,
Мы ведь побратимы,
С детства мы с тобой.

МОЕ ДЕТСТВО

Мое детство – песчаные косы,
Мое детство – озера-глаза.
На лугах предрассветные росы,
У крыльца винограда лоза.
Я люблю тебя, край мой раздольный,
Здесь исток мой: у Дона-реки.
Я, как эта река, беспокойный,
Хотя снегом покрыты виски.

ПОТОМКАМ

Пусть простят нас друзья боевые,
Не пришедшие с ратных полей,
Что без них на дела трудовые
Мы призвали народ на земле,
Чтоб потомки не знали слова роковые,
Скрежет танков и гром батарей.
Не забудем сраженья былые,
В предрассветной кровавой заре.
Только память останется с нами,
Мы с тобой унесем навсегда.
А потомкам оставим, как знамя,
Продолженье большого труда.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Называют его Неизвестным солдатом,
И вечный огонь над могилой горит.
Он в мирные ночи, рассветы, закаты
Солдатскую славу, бессмертье хранит,
В любую погоду колышется пламя,
Как будто солдатское сердце горит.
Шагнуло однажды под алое знамя
И там до сих пор молчаливо лежит.
Скорбящая мать неусыпно над сыном
Под зеленью ивы безмолвно стоит.
Я вижу под солнца лучами косыми,
Как мамино сердце по сыну болит.

ВЕТЕРОК

Иней на деревьях,
Будто белый сон,
В парке на качелях
Дремлет небосклон.
Снегирек пурпурный
Иву шевельнул,
Серебристой пудрой
На ладонь сыпнул.
И тепло такое
На душу легло,
Словно мы знакомы
С ним уже давно.

ПОДРУГЕ ЮНОСТИ

Подруге юности моей,
Девиче скромной и упрямой,

Я лирой посвятил своей
Лик солнца и рассвет румяный.
Не знаю, помнит ли она,
Те дни и ночи сновидений,
Что забрала от нас война,
Часы и дни уединений.
Дела давно минувших дней,
Но я несу их светлой ношей.
В судьбе непрошенной моей,
Горят они зарей хорошей.
Пока земля вокруг оси
Не остановит бег конечный,
Меня проси иль не проси –
Я пленник твой и раб навечно.
В душе забытая печаль
Не смоев совести сомненья.
Нам прошлого, конечно, жаль,
Оно достойно преклоненья.

МУЗА

Пытливость нежная ума неосторожно
Заденет струнку тонкую души,
И зазвучит она привычно и тревожно
То ранним утром, то в ночной тиши.
Волшебные польются звуки и мечтанья,
Заманят в удивительную даль,
Разбудят милые в тебе воспоминанья
Иль радость сменит томная печаль.
Тогда спеши, мой друг, не упусти мгновений
Несказанное высказать пером.
Не для себя, для многих поколений –
Не торопись лишь рваться напролом.

ЕВГЕНИЙ СЕДНЕВ

Родился в 1930 году в поселке шахты «Комсомолец» г. Горловка. С 1944 года живет в г. Дзержинске. Почетный гражданин города. Его творчество является образцом и авторитетом для многих начинающих (и не только) поэтов и писателей г. Дзержинска.

В 1942 году Евгений Иванович Седнев получил ранение, в результате которого полностью потерял зрение. Однако, окончив в 1952 году Одесскую республиканскую школу баянистов-инвалидов отечественной войны «по зрению», Е.И. Седнев посвящает себя музыке. С 1952 года – член секции композиторов при ОНМЦ. Является автором более трёхсот песен, многие из которых вошли в сборник «Души серебряные струны».

С 1960 года Е. И. Седнев – член литературной студии «Муза» газеты «Дзержинский шахтер». Печатался в различных газетах, в том числе и Межрегионального союза писателей Украины «Отражение», является автором семи

книг: «Пока горит моя свеча», «Вишнегорье», «Сказки синеглазки», «Ключи от счастья», «Зелёный дождь», «Посланная звёздами», «Под знаком стрелъца».

Творчество Е. Седнева было отмечено соответствующими его заслугам наградами. Он является членом Межрегионального союза писателей Украины и союза журналистов Украины, лауреат всеукраинского конкурса «Творчество без границ» в номинации «Проза – 2008», лауреат международной премии поэта-песенника Михаила Мотусовского и литературной премии им. Виктора Шутова

МАЙСКАЯ ЭЛЕГИЯ ИЗ ЦИКЛА «ГОДЫ В ШИНЕЛЯХ»

Соловьи, соловьи, не тревожьте вы майские ночи,
Где гремели бои, и у смерти все были равны.
Забывать эти дни наша память с тобою не хочет,
И хранятся они в треугольниках с прошлой войны.

С фотографий глядят не пришедшие с фронта солдаты,
Нет пути им назад: все ушли в бесконечную синь.
Над могильной плитой наклоняются тихо закаты,
И росой, как слезой, серебрится седая полынь.

Алый шёлк зачехлён тех знамён, что в атаку водили,
И стоял батальон, выполняя приказ до конца.
Ничего мы с тобой, ветеран-фронтовик, не забыли,
Соловьиной весной растревожились только сердца.

Соловьи, соловьи, вы свои сочиняйте кантаты.
Память всё сохрани - у истории правда одна.
А знамёна тех дней пусть стоят, как в дозоре солдаты,
Чтоб была для людей на весенней земле тишина.

ГОДЫ В ШИНЕЛЯХ

Снова оркестр духовой
Память тревожит солдата.
Кружится вальс фронтовой,
Памяти нашей награда.
Тот, что в землянках звучал
Под завыванья метели.
Вальс тот сердца согревал
Людям в солдатских шинелях.
Шли за военной судьбой,
Пулям навстречу вставали,
Чтоб в сорок пятом весной
Дома с победой встречали.
Мне ли не знать о цене
Жизни меж раем и адом?
Слава и смерть на войне
Были всегда где-то рядом.
Годы уходят в века.
Юность военная, где ты?
Бывшего фронтовика,
Знавшего цену победы.
Небо расцветит салют,
Словно весенней грозью.
Песни в легенды уйдут
Вместе с проклятой войною.

НАЕДИНЕ С СОЗВЕЗДИЕМ СТРЕЛЬЦА

Сыну Сергею посвящается

Твоя уже окончена дорога,
И ты ушел туда, за облака,
Нам за тебя просить теперь у Бога,
Чтоб он очистил душу от греха.
Здесь на земле рассвет, закат бывает,

Зимой пурга, весной цветёт сирень.
И только память о тебе, как тень,
Безмолвно сердце болью обжигает.

Вот твой погон, патрон от пистолета,
Что уронил когда-то ты под стол.
Засушенный листок- частица лета
В тетради школьной я твоей нашёл.
Твоих вещей у нас осталось мало,
Всё там, у той, где ты когда-то жил,
Любовь не вышла, не хватило сил,
Она от лжи и подлости устала.

Галактика таинственно мерцает,
Быть может, там причал душе твоей,
Как на земле тебя нам не хватает-
В ответ лишь крик печальный журавлей.
Признаюсь, сын, как снишься ты мне часто,
Я просыпаюсь в радости такой,
Тянусь к тебе, но это всё напрасно,
Проходит ночь, и сон уходит мой.

А память бродит сизокрылой птицей,
Подсолнухи в цветенье золотом.
Шумит ковыль, как порванной страницей,
Где на земле твой вечный будет дом.
Не обниму тебя я, как когда-то,
И не услышу, как стучат сердца.
Осталось всё там, за чертой заката,
Наедине с созвездием СТРЕЛЬЦА.

11.12.2011

ИСПОВЕДЬ ДУШИ

Уходит год за годом, и дни в туман плывут,
Заря встаёт с восходом, рассвета птицы ждут.

Луна с зарёй не пара, грозит серпом с небес,
Как сабля янычара или как буква ЭС.
Закон светил не новый, там всё, как на часах,
Таинственно суровый порядок в небесах.
А как же жизнь, скажите, какая её суть,
Она ведь тоньше нити, её нельзя вернуть.

И с ней нельзя лукавить, и за любой просчёт
Может она отправить в отставку в один счёт.
Лишить наград и званий, и славу развенчать,
В упор убить словами и на олимпе поднять.
Вражда, любви коварство и подлость, как змея,
Своё воздвигли царство в пространстве бытия.
За всё Всевышний спросит в конце ухода лет.
Тогда поймём, что гаснет в конце тоннеля свет.
Тогда, что было в прошлом, сгребём, как сена стог,
Кто праведный, кто ложный, пускай оценит Бог.

Огонь свечи, как память о тех, кого уж нет,
Кто смог в душе оставить неизгладимый след.
А что же за стихами: там мыслей в строчках рой,
И спрятан за словами утраченный покой.
В чём смысл коротких строчек, узнать ты не спеши,
Просто хотелось очень услышать исповедь души.

09.11.2011

ЗЕМЛЯ МОЯ ДОНЕЦКАЯ

Хороша ты, сторона Донецкая,
Здесь прописана навек судьба моя.
Широтой души и щедростью известная
Славная Донецкая земля.

По ночам разлива стали всполохи,
Над копрами - стайки белых облаков.

Мне, Донбасс, твои просторы сердцу дороги
И крутой характер горняков.

Небо синее над терриконами
Сединой припорошили их года.
Только мы с тобой в донецкий край влюблёнными
Остаёмся, друг мой, навсегда.

Хороша ты, сторона Донецкая,
Здесь прописана навек судьба моя.
Широтой души и щедростью известная
Славная донецкая земля.

ОСЕННИЙ КОНТРАНС

Стоял сентябрь, пленила осень,
Она была во всей красе.
И золото, и неба просинь
В её запутались косе.
Трава поникла на пригорке,
Рябина вспыхнула огнём,
И треплет ветер, будто шторы,
Берёзы ветки за окном.
Затем октябрь придёт, задира,
И бабье лето отшумит.
От дождика вдруг станет сыро,
И грусть, как тучка, налетит.
О чём-то, в общем, и не важном,
А так досада на себя,
Мол, вот на год мы стали старше,
А там лишь шаг до ноября.
Зима засыплет снегом белым,
Дорожки в тёплый буйный май.
Так, для порядка, между делом
Пургой тряхнёт, мол, наших знай.

А дальше что? Снега растают,
И зазвенит опять капель,
И гимн весне опять сыграют
Скворец и молодой апрель.
И всё же, осень, ты чаруешь,
И негой томною полна,
Не зря романтиков волнуешь,
И в сентябре им не до сна.
Пусть облака легки, как перья,
Куда-то всё плывут, плывут,
И в душноватом предвечерье
В кострах мальчишки листья жгут.
А горьковатый дым струится,
Уходит осень не спеша.
Написана ещё страница
Природой без карандаша.

30.11.2011

ИЗ ЦИКЛА «О ГОРОДЕ ДЗЕРЖИНСКЕ»

Улица Вишнёвая, домик в три окошка.
Лавочка кленовая, на крыльчке кошка.
Кошка умывается, ждёт гостей, наверно,
Говорят, сбывается это непременно.
Дверь, слегка открытая в голубое прошлое,
Сердцем не забытое самое хорошее.
Взгляд отца приветливый и улыбка мамина,
Всё в душе отметиной навсегда оставлено.
В ручейке когда-то я здесь пускал кораблики.
И плыла флотилия прямо до Антарктики.
Ворота футбольные. Помню гол в десяточку
И подружку школьную с белым бантом Светочку.
Ветка вишни тянется сочной спелой ягодой,
Вкус её останется тайной неразгаданной.
Молодость румяная многое пророчила,

И любовь нежданная голову морочила.
Дни мелькали спицами, обжигало холодом,
В век такой родились мы под серпом и молотом.
Веку двадцать первому есть о чем задуматься,
Где дорога верная, где прямая улица.
Жизнь, она суровая, всё возьмёт до капельки,
Формула не новая, если стать на грабельки,
Будет то, что сбудется, что пройдёт-забудется.
Пусть опять, как в юности, голова закружится.
Улица Вишнёвая, домик в три окошка.
Лавочка кленовая прямо у порожка.
Дождиком краплёные желтые подсолнухи,
Тополя зелёные и тюльпанов всполохи.
Пусть зарёй румянится тишина рассветная,
И другим останется песня недопетая.
Флигелек заброшенный, сизари над крышей,
Над полынью скошенной и над старой вишней.

ЛЮБОВЬ, КАК ТАЛАЯ ВОДА

Посвящается А.С.

Зовёт кукушка в тишине,
Как молодость ушедшая.
И промелькнула, как во сне,
Весна моя ты вешняя.
Плывут над крышей облака,
Как стайка голубиная,
В моей руке твоя рука,
И мы - судьба единая.
Часы идут, часы стучат,
И жизнь всё продолжается,
Вот только ничего назад
Опять не возвращается.
Грустит калина под дождём,
Хранится в сердце прошлое.

Мы нашу песню допоем
С тобой, моя хорошая.
Любовь, как талая вода,
Она бывает разная,
Но не страшны для нас года,
Моя зеленоглазая.
В моей душе звенит струна,
Строка мелодию находит,
А где-то прошлая весна
В цветенье яблоневого бродит.

ДРУЖБА МУЖСКАЯ

Мы прошли с тобой дорог немало,
В жизни мы встречали много вьюг,
Но всегда в пути нас согревала
Наша дружба, мой хороший друг.

Припев:

Наша дружба мужская
Пусть сурова на вид,
Но она нам, товарищ, сердца согревая,
Огоньком негасимым горит.

И когда бывает в жизни трудно,
Легче, если рядом верный друг.
Говорят, что он один заменит
В радости и горе новых двух.

Пусть проходят годы чередою,
Но тебе всегда я буду рад.
Наша дружба будет молодою,
Словно много-много лет назад.

Припев:

ВЕСЕННИЙ ПРОЛОГ «ЭТЮД»

Перевернут листок календарный,
Март несмело вступает в права,
Но февраль-это месяц коварный,
Не сдаётся сорвиголова.

То метелью закружит хорошей,
Ручеек заколдует в ночи.
Только нет, не пугай нас порошей,
Нам весну протрубили грачи.

Пусть сосулек ломаются стрелы,
Засверкав ледяным хрусталём,
И капли весёлой напевы
Зазвенят голубым ручейком.

И весенней гармонии звуки
В мир ворвутся и в души людей,
И чирикнет так весело с крыши
Знавший цену зимы воробей.

Может бать, где-то ярче зарницы
И цветут зеленее сады,
Но домой возвращаются птицы,
Чтоб напиться здесь талой воды.

Суетятся скворцы у скворечни,
В танце кружится ласточек рой.
Тает снег, но воскреснут надежды,
Что сбываются только весной.

Облака уплывают куда-то,
Где-то дятел усердно стучит.
Скоро-скоро в объятьях заката
Соловьиная трель прозвучит.

А пока ещё зябнут берёзы,
Лоскут неба синеет, как флаг,
Но уходят зима и морозы.
И теперь до весны только шаг.

12.02.2012

"МУЗА"

НАСТОЯЩЕГО

ВРЕМЕНИ

ЛЮБОВЬ КАРНАУХОВА

Родилась в Краматорске. Закончила русское (1972) и украинское (1996) отделения филологического факультета Донецкого университета. Работала 39 лет учителем-словесником в г.Дзержинске. Пишет стихи и публицистику. Её произведения печатаются в газете «Дзержинский шахтёр». Публиковалась в коллективных сборниках «Уголь и слово», «Встряска» (г. Дзержинск), альманахе «Восхождение» (г. Горловка), литературно-художественном журнале «Пять стихий» (г. Горловка).

С 1997г руководит литературной студией «Муза» при редакции газеты «Дзержинский шахтер».

Поэзии прекрасная страна!
Я тороплюсь с тобою на свиданье.
Во дни сомнений и в часы страданий
Ты мне одна опора и сестра.

Я у тебя единственной прошу
Совета, снисхожденья и участия.
И мил мне гнет твоей волшебной власти,
Как узнику свободной жизни шум.
Твое мне солнце светит и в ночи,
От прихотей погоды не завися.
И зависают звонкие лучи
Твоих изящных слов и мудрых мыслей.

Есть слова, как цветы.
Пахнут полем и лесом,
Серебристой росой,
Высотой поднебесий.
Наклонись и вдохни
Их густой аромат.
Только рвать не спеши -
Враз поблекнет их взгляд.
Есть слова, точно птицы.
Мы тоскуем по ним,
Когда видим вдали
В небе тающий клин.
Мы их ждем терпеливо.
Очень долго порой.
И с надеждой незримой
Провожаем их строй.
Есть слова, словно звезды.
Высоки и святы.
Не для буден они,
Будто старое платье.
Их грешно говорить
Слишком громко и всуе.
Их торжественный смысл
Не для тех, кто бездумен.

Есть слова пострашнее
Кинжала и яда.

И убийственной пули,
И ужаснее ада.
Их сказать нелегко.
И услышать непросто.
Слабых косят они.
Выше делают ростом
Только сильных и гордых,
Вступивших с судьбой,
Может, в яростный самый
И решительный бой.
Есть слова, будто мама
Рукой прикоснулась –
Горе мимо промчалось,
Радость в сердце проснулась.
До последнего часа
Мы храним их тепло.
Доброте их нетленной
Удивляясь светло.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Под белым крылом облаков
Стоит одиноко мой дом.
Никто уже в нем не живет,
Никто меня в гости не ждет.
Мой дом ,ты и радость и боль.
Ты мне прикоснуться позволь
К знакомому с детства крыльцу,
Как будто к родному лицу.
Я дверь открою, не спеша -
Дом встретит меня тишиной.
На миг я закрою глаза-
И маму увижу живой.
Ее золотая любовь
Не знает оков-берегов.

Струится во мне сквозь года,
Как вешняя в поле вода.
Мой дом, ты и щит, и броня!
Когда-то не станет меня.
Но прежде чем в землю уйти
Скажу я: «Прощай и прости!
Спасибо тебе за тепло.
За то, что мне было светло
Под крышей надежной твоей
Среди самих близких людей.»

Ярославна – ты моя подруга.
Между нами – долгие века.
Но понятна мне твоя по другу
Женская извечная тоска.
Не коснуться мне твоей ладони
И слезы горючей не унять –
Не заржали у Путивля кони,
Не вернулась Игорева рать.
Уж далече залетел твой сокол,
Не видать отсель его крыла.
Рвется в небо голос твой высокий...
Ох, остра у половца стрела.
Черны тучи солнце заступили.
Уж над Русью собралась гроза –
И опять туманом застелило
Синие славянские глаза.
Не помогут Солнце и Ветрило,
И Каялы светлая вода.
Не вернется Лада, сердцу милый,
С вестью о победе никогда.
Ярославны, сестры и подруги!
Скажем «нет» всем войнам на земле,
Чтобы наши сыновья и други
Кровь свою не пролили нигде.

*Памяти Народного артиста Украины
Леонида Быкова, чье детство и школьные
годы прошли в Краматорске*

Команду дашь с экрана: «От винта!» -
И взмлет в небо стая «ястребков».
Дорога к небу... Как она крута!
И неизбежен твой последний бой.
Комэска Титаренко – взмах руки,
Лукавый взгляд родных знакомых глаз –
Армейскому уставу вопреки
Солдатам был отцом не напоказ.
Комэска Титаренко, ты ребят
(И того мне тоже не забыть)
Учил в бою не отводить свой взгляд,
Слова девизом сделал: «Будем жить!»
Комэска Титаренко, высота...
Она твоим ребятам по плечу.
Любовь к Отчизне – главная черта.
Но я об этом лучше помолчу.
Зажгу свечу в церковной тишине
И помолюсь за упокой души
Ребят, погибших в страшной той войне,
Которым страстно так хотелось жить.
Смуглянка и Ромео молодой,
Уж не летать вам больше над землей.
Вы спите под фанерной звездой –
И небо охраняет ваш покой...
Маэстро Титаренко, земляки
Тебе поклон от верб донецких шлют:
«Мы не умрем, покуда «старики»,
Забыв о смерти, в бой за нас идут!»
...Когда на сердце мрачно и темно,
Дела все отложив, смотрю кино:

И вновь «Смутлянки» слышу я мотив –
Ты жив еще, Маэстро и красив!
Да разве можно гибель отвести?
И я тебе шепчу: «Земляк, прости.
За что, сама не знаю, но прости...»

СВЯТОГОРЬЕ

Святогорье – сосны, ели,
Зыбкость белого песка.
Соловьиных менестрелей
Трели прямо у виска.
Земляничные поляны,
Запах хвои, блеск зарниц.
И повсюду - где ни глянешь:
Ветви тянутся в зенит.
Воздух солнцем напоенный,
Глянец плавного Донца.
Дуба чуткие ладони
Мне касаются лица.
Белой лилией обитель
Над рекою расцвела,
Чтобы нас хранил Спаситель,
Наши мысли и дела.
Чтобы с совестью в согласьи
Жили мы из года в год.
Чтобы был над нами властен
Неба праведного свод.

Мне некуда идти. Никто не позовет.
И руку не подаст, чтоб опереться.
И крылья за спиной не разведет,
И не откроет для любви мне сердце.
И ранним утром, словно скрытый тать,
Не бросит мне в окно букет сирени.

Тогда зачем же, в самом деле, ждать
Прислушиваясь к неподвижной двери?

Ты построй мне терем
Из смолистых сосен.
Стрельчатыми окнами
Чтобы на восток!
Утром солнце красное
Золотым узором
Вышьет в моей горнице
Звонкий потолок!
Ты построй мне терем
С дверями резными,
Навсегда открытыми
Для моих друзей.
Чтоб в нем пахло лесом,
Синею рекою.
За окошком чтобы
Щелкал соловей.
Ну, а коль придется
Мне совсем уж туго.
И напасти рядом
Зачернеет тень,
Обращусь к тебе я:
Ниспошли мне друга!
Пусть осветит солнцем
Мой ненастный день!
Серый волк лобастый
Мне пускай явится.
Верою и правдой
Будет он служить.
Из страны заморской
Принесет водицы
И любовь умершую
Сможет оживить.

БЕРЕЗЫ

Березы, березы, вас грома угрозы
Едва ли, пугают всерьез.
Зимою, едва ли, страшны вам морозы
И ветра безумного кросс.
Березы, березы, как сладкие грезы,
Над вами плывут облака!
Близ вас, изгибаясь змеей голубою,
Течет еле слышно река.
Роскошные травы у ног ваших белых
Раскинулись пышным ковром.
Другие деревья: осины и ели –
Вам машут зеленым крылом:
«Здорово, сестрицы, скажите, что снится
Приятного вам на заре?
И отчего так светлы ваши лица,
Что вам мешает стареть?»
«Тайны великой в том нету, сестрицы, -
Молвят березы в ответ. –
Дождики щедро нас поят водицей,
Солнышко дарит свой свет.
Светлые мысли мы навеваем
Странникам всякой порой.
Вот потому мы и сами не знаем
Старости, участи злой.»

* * *

Я во сне этом птицей была.
Два прорезались звучных крыла.
Мы кружились в небе вдвоем –
Я звала тебя белым крылом.
Ты на зов откликался тотчас
Ясным светом сияющих глаз.
Распластав два крыла на ветрах,
Мы скользили на синих волнах
Струй воздушных, забыв обо всем.

Я тебя обвевала крылом.
Там под нами - лишь горе и стон.
А над нами – ликующий звон
Дивной музыки, запах цветов,
Очертания райских садов,
Небожителей радостный дом,
Что повенчаны с вечностью в нем.

* * *

Там, на грани счастья и беды,
И земли на грани, и воды.
Там, на грани тайны и печали,
Я тебя внезапно повстречаю.

Я тебя узнаю по рассказам,
По глазам, не виденным ни разу.
По улыбке, светлой и широкой.
По морщинке, горькой и глубокой.

* * *

Что может быть печальнее разлуки
И безысходней слова «никогда»?
Не обовьют меня твои уж руки,
И не зажжется в сумраке звезда.

Я буду жить в беззвездном тусклом мире,
Мучительно и ревностно храня
Твой голос, пахнущий степной полынью,
В тот миг, когда окликнул ты меня.

Я не забуду все его оттенки
И выраженья твоего лица,
Когда ты клялся, что любовь нетленна
И не имеет горького конца.

...Тогда, наверно, думали мы оба,
Что наше счастье крепче твердых скал.

Не смея раньше срока догадаться,
Что в тот момент ты вдохновенно лгал.

* * *

Сквозь частокол прошедших лет,
Что нас с тобою разделяет,
Гляжу тебе я молча вслед.
А след твой вьюга замечает.
Забвенье – имя вьюги той.
Она кружит, не утихая.
Зачем же вечною зимой
Ты оградил меня от мая?

* * *

В платье домашнем из легкого ситца
Выбежишь ты впопыхах.
И неожиданно вздрогнут ресницы,
Слезы заблещут в глазах.

Строго, испуганно, чуть удивленно
Встретишь мой любящий взгляд.
Где же вы, где же вы – резвые кони?
Наснесите назад

В юные весны, где все очень просто,
Где нет проблем и преград.
В юные весны на сказочный остров,
Где был я счастлив и рад

Каждому слову, вне всяких сомнений,
Из твоих розовых уст,
Где так отважно и так вдохновенно
Цвел нам шиповника куст.

* * *

Правду всю мне скажи, правду всю мне открой,
Смуглолицая чудо-гадалка!
Где же он, мой король? И какою порой
Ждать с какого его полустанка?
Затаила дыханье – и жду не дыша.
Но цыганка все медлит с ответом.
«Золотая моя, - говорит не спеша, -
Твой король оказался валетом.

А любовь - лишь одним королям по плечу.
Недоступна шестеркам, валетам.
Так задуй же свечу - и напрасно не жди
Ни зимою его и ни летом.

* * *

Не знаю, как тебе ответить,
Не знаю, что тебе сказать
На твой холодный, будто ветер,
Мне душу леденящий взгляд.

Не затуманю глаз слезами,
Не разучусь смеяться вдруг.
И спрячу за семью замками
Я сердца горестный недуг.

Уже все станет по-другому:
Увянут все твои цветы,
К тебе родному и чужому
Я не посмею подойти.

Но знаю в мире поднебесном,
Среди забот и суеты,
В твоём сознании воскреснут
Мои забытые черты...

Обратно все вернуть, как было,
Захочешь ты в один из дней –
Себе противиться не в силах,
Как прежде позвонишь мне в дверь.

Обнимешь ты мои колени,
Начнешь бессвязно говорить –
Былого счастья отраженье
На миг мне душу озарит,

И острой болью отзовется,
Растаяв в темной тишине,
Как будто луч прощальный солнца
Прочертит линию в окне.

Мы поменяемся ролями,
И, исчерпав весь свой лимит,
Любви безжалостное пламя
Тебя дотла испепелит.

* * *

Благодарю тебя за слово,
За отраженный в сердце миг.
За то, что ты глядишь сурово
И за немой во взгляде крик.

Иначе б я не догадалась,
Что можно так огромность чувств
Сжать в наикрошечную малость –
Не выдохнуть и не вдохнуть.

И с этой упругой болью,
Готовой в ключья разнести –
Жить долго, не надеясь больше
Покой желанный обрести.

ЛЮДМИЛА КАЛИННИК

Историк по образованию. Впервые её стихи были опубликованы в газете «Социалистическая Родина» ещё в студенческие годы. Затем были публикации в газетах «Горячий ключ», «Дзержинский шахтёр», «Отражение», в альманахах «Восхождение», в журнале «Пять стихий». Она автор поэтического сборника «Между нами – листопад». В 80-е годы руководила литературной студией «Муза».

ВРЕМЯ

На свете есть великий властелин,
Ему подвластно все, без исключения.
Миры он возрождает из руин
И предаёт империи забвенью.

Ещё наш век наивно и беспечно
Вершит свои насущные дела,
А властелин своею силой вечной
Истории вращает жернова.

Все перемелет, пыль веков остудит
И место в них для всех определит,
Тех вознесёт, других навек осудит,
А третьих – в прах седой испепелит.

Всё в нашем мире уже раньше было,
Но в лету кануло давным-давно,
И где теперь те давние могилы,
О коих помнить было суждено?

Чей гордый лик внушал и страх, и ужас,
Когда горела Троя, Рим пылал?..
Их властелин сметал, как листья в лужу,
И в прошлом равнодушно оставлял.

В историю, как в мировой отстойник,
Ушли давно Атиллы, Пугачёв
И Тамерлана облик беспокойный,
И тысячи таких, как Горбачёв.

Их много – карликов и исполинов,
Остались в перечне истории строкой.
Застыли под пятою властелина
Все эти люди глиною простой.

Он мчит, уверенно сжимая стремя,
Его нельзя догнать или вернуть.
А властелином называют Время,
По вечности проложен его путь.

Оно живёт в улыбке Моны Лизы,
На луковках сияет у церквей,

В монументальных пирамидах Гизы,
В иконных ликах наших матерей.

Оно в стихах Гомера и Петрарки,
В полотнах у Пикассо и Рублёва,
И в откровениях науки ярких,
И в музыке Бетховена глухого.

С погибшими в боях солдатами,
Что спят, объята вечной тишиной,
Оно застыло тихо между датами
На обелисках чёрточкой одной.

Но время, всё же, не всевластно,
В душе ты только его струны тронь,
И оживают времена прекрасные,
Откликнутся и память, и любовь.

КОТ В МЕШКЕ

Торговля искусством – унылая проза,
Картины, как замёрзшие щенки.
Художник, бледно-синий от мороза,
Все умоляет: «Что-нибудь купи!

На стену спальни иль большого зала
Берите. Иль не нужен антураж?
В ходу – пейзаж, но покупают мало,
Зато на рынке – целый вернисаж!»

«А вы стихов моих купите малость,
Пойдёте с ними дальше налегке!»
И надо мною долго потешались:
«Стихи твои, как будто кот в мешке!

Ведь если плохи, будет жалко денег,
А хороши, так душу обожгут.
Поэты – чудаки на самом деле,
Давай за это, что ли, выпьем тут!»

И выпили, согрелись на морозе
И рифму подобрали пареньки.
Традиционно шла к морозу – роза,
А к бабам, почему-то мужики.

Мы выпили за вечное искусство,
Слеза мелькнула даже на щеке.
Мы продали картину, а в нагрузку
Пошли стихи, тот самый «кот в мешке».

МОЛОДОСТЬ

Ах, бурной юности огонь!
Страстей кипящий ураган,
Сорвавшийся с поводьев конь,
В туманный жизни океан.

Любовь и ненависть бурлят -
И чувств безмерна глубина,
И каждый мимолётный взгляд
Имеет смысл, и жизнь полна.

И было всё тогда возможно –
Любовь, удача и успех,
Желанья так неосторожны,
Загадочны добро и грех,

И небеса так высоки,
Уютна милая земля,
И живы наши старики.
О, где ж ты, молодость моя?

ПРАБАБУШКА

Колдунья, инопланетянка,
В ней нет покоя, мира нет.
В твоих глазах – огонь, цыганка,
И тайн невероятный свет.

В походке - грация пантеры,
Она не может быть иной,
Ей не подвластны полумеры.
Она сама – огонь живой.

Обиду никому не спустит
И, хоть не сразу, отомстит,
Подвержена минутной грусти,
Хотя в душе, как динамит.

В любви – неудержимо дерзка,
Как сгусток страсти, как гроза.
И полыхают светом резким
Её чернильные глаза.

Прищурит взгляд, и в ореоле
Её оливковых кудрей
Проглянет счастье или горе
Среди вальтов и королей.

Её не испугаешь смертью,
Не нужно ей твоё участие,
Зато лишь с ней, вы уж поверьте,
Узнаешь вкус и горечь счастья.

Жаль то не я, но странствий вестник
Зовёт меня, всегда маня,
В моих стихах мелькает песня
Твоя, прабабушка моя.

НЕ ПАРА.

Судьба шептала: «Он тебе не пара!»
Змеился шёпот ядом горячо.
И сердце, пропустив момент удара,
Кольнуло мне чувствительно в плечо.

Переживаю я свою Голгофу
На пяточке безликой пустоты.
Хронической стала катастрофа,
Где в эпицентре вечно будешь ты.

ЗИМА

Зима летела над землёй,
Куда там королеве? Круче!
Мороз, как сказочный герой,
Сопровождал её, трескучий.

Эльбрусом с белой шапкой снега
Нам террикон казался шахтный.
Устроился под серым снегом
Мороз дизайнером ландшафтным.

Он инеем припорошил
Дома, скамейки и деревья.
В рождественской седой тиши
Щипал из тучи пух и перья.

МЁД

Мёд лето в соты паковал,
В них блещет золотом роса

И месяца полуовал,
Что скрёб рогами небеса.

В них зноя летнего истома,
Где аромат цветов плывёт.
И взятку взять пчела готова,
Чтобы сложить в янтарный мёд.

Среди созвездий всем знакомых,
Подозреваю – может быть,
Что две Медведицы готовы
В него все лапы запустить.

МИНИАТЮРЫ

Хочу! – Нельзя! А так хотелось,
Ну, и куда всё это делось?
Теперь всё можно. Нет желанья.
Всё в нашей жизни с опозданием.

Редко правда бывает вечной,
Приукрась её иль умножь,
И уже порядком привычным
Превращается правда в ложь.

Урок истории. И тишина.
Учительница истины вещала,
А время, будто ластиком слова,
У старой правды медленно стирало.

Мы все на этом свете - гости,
Да видно, не совсем желанные.
Бросает нам судьба, как кости,
Надежды, да и те обманные.

Жизнь обворовывает нас,
Иллюзий удаляя пенки.
Мир получаем без прикрас
И одиночества застенки.

ЇЖА

Кажуть люди – то хороша справа,
Діло дуже важне, не пусте.
Їжа, хоч не дуже і забава,
Та до неї потяг все росте.

Білими краплинами смітана,
Наче сніг густий, в борщі лежить,
Можна спробувати ту забаву –
Не впаде там ложка, а стоїть!

І курча, що бігало ще вранці,
Смаженими крильцями зове,
Апетит дрижить, як в лихоманці,
Аромат, ну так і пре, і пре.

А салати – «Олів'є» та рибний!
І томати стиглі, запашні,
І сіяє оком своїм срібним
Оселедець жирний на столі.

Бараболя запашна та димна
Всі боки замастила собі.
І бульбашки плигають нестримно
В пиві, наче бісики чудні.

А м'ясце шкварчить свіженьке,
Сало, як троянда, рожевеньке,
В діжці – огірки тугенькі,
Що були такими тільки в неньки.

Мечніков колись казав, що їжа, -
То інтим людини та природи,
Так що в Раді депутати хижо
Хай не ріжуть раціон народу.

І тоді ми вип'ємо за вас
І з'їмо вареників в сметані,
А в льоху закриєм про запас
Ковбасу домашню з добрим салом!

ЖУРБА

Сріблясто-сіре небо осені
Дощем зустрілося з землею,
Дерева із ногами босими
Біжать, неначе за тобою.

Красою в різнобарв'ї кольорів
Ще вчора осінь панувала,
Лунав дзвінкий пташиний спів,
І золотом нас обсіпала.

І розсипала листя, як листи,
Що в них було? Якесь прохання?
Чи може, розлетівшись з висоти,
Кружляли танцями прощання?

Десь там, у нетрях потаємних дум,
У людях з осінню єднання,
Долає смуток, і нудьга та сум,
Приховане якесь страждання.

Ми тільки восени, в своїх думках
Буваєм щирими з собою.
Земля колише нас в своїх руках.
Як матінка, чомусь, з журбою.

СВІТ ДИТИНСТВА

У спогадах моє дитинство лине,
Там матінка несе з колодязя води.
І сонце своє ясне сяйво кине
Туди, де ніжною малечею були.

Де яблуні стояли, як дівчата,
Заквітчані, неначе наречені.
І кожен день був, ніби світле свято,
І наші мрії квітли нездійсненні.

Спливав мій час тендітними лелеками,
Любила я тварин, птахів, комах,
Мені не дошкуляли дощ та спека,
І невідомими були і смерть, і страх.

Де матінка моя і птах лелека,
Де ти, моє дитинство зачароване?
Спливає спогад тінню у смереках,
І сяє свят батьками подарований.

АЛЛА ДАШКЕЕВА

Родилась в г. Дзержинске Донецкой области. Закончила педагогическое училище по специальности «Дошкольное воспитание». Пишет стихи для детей и взрослых. Одиннадцать лет является активным членом литературной студии «Муза», а также внештатным корреспондентом газеты «Дзержинский шахтёр». Публиковалась в газетах «Отражение» (Донецк) и «Дзержинский шахтёр», в альманахе «Восхождение» (г. Горловка), в сборнике «Встряска» (г. Дзержинск), в литературном журнале «Пять стихий» (г. Горловка). Победитель городского поэтического конкурса «Светлое Рождество» (2009 год)

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Дзержинск – не Минск, не Киев, не Москва.
На карте мира точкой не отмечен,
Ворчун брюзжит – провинция, тоска,
А я иду, расправив гордо плечи.

Мне сладок воздух улиц городских,
Аллея тенистых свежая прохлада,
Здесь в рифму мягкую ложится стих,
А мне другого счастья и не надо.

Мне дорог у дороги василёк,
Здесь каждая тропинка мне знакома,
Я с молоком впитала уголёк –
Сосеждествовала шахта рядом с домом.

Посёлок Кирово и террикон,
На «Северной» отец всю жизнь работал,
Есть у забойщика у каждого свой «конь»,
Он кровью заработанный и потом.

Микрорайон Зелёный - здесь мой дом,
Лесная улица – дуб, сосны, ели.
Люблю свой город, мне спокойно в нём,
И мне мои места не надоели.

Копры Дзержинск мой красит в цвет зари,
С них ночью зажигает звёзды,
Путь к дому мне укажут сизари,
Домой вернуться никогда не поздно.

Дзержинск – не Минск, не Киев, не Москва.
На карте мира точкой не отмечен,
Уехав ненадолго, дня на два,
Спешу опять, родной, к тебе на встречу!

МИР ПОЭЗИИ

Луна, купаясь в отраженье света,
Любуясь зябью сонных вод реки,
Сияньем лунным холила поэта,
Их отношения до трепета близки.

Пел соловей под звуки нежной лиры,
Флюиды счастья впитывал Зефир
И разносил их ароматом мирры
В тот день, когда вошла я в этот мир.

Небо подёрнуто розовым ситцем,
Вот повезло под ним утру родиться.
В облачной пене сбиваются в гроздья
Посоловелые майские звёзды.

Падает пена на вишни и сливы,
Розовым цветом подкрасясь игриво,
Веточка яблони нежным зефиром
Пьёт карамельный напиток эфира.

Вроде просты, ненавязчивы краски,
А нахожусь в сладком омуте вязком.
Ветер-проказник испортил картину –
Белой раскрасил он зелень сатина.

КРЫМСКОЕ ЛЕТО

Манило синим шёлком вод
И очаровывало море.
Я знала, этот час придёт –
Ждала его, сиренам вторя.

Мой стан лелеял тёплый бриз
В лучах проснувшегося утра,
Фонтан солёно-горьких брызг
Играл на солнце перламутром.

Под негой солнечных лучей
Сияли капельки, как перлы,
И россыпь жемчуга с плечей
Песок заглатывал, как жерло.

Под тихий плеск волны морской
В палатах нимфы Нереиды
Царил лазуревый покой,
Открыв пейзажные мне виды.

От зноя, спрятавшись под зонт,
На лоне вод узрела парус –
По курсу шёл за горизонт,
Ассоль на берегу осталась.

Обетованный крымский рай
Из снов далёкого мне детства,
Прощался криком птичьих стай,
Забрав с собой кусочек сердца.

ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

В лучах закатных утопает сад,
Стущая карамель на сонных ветках.
Пугает тишину крик птицы редкой,
А мы в друг друге открываем клад.

Какой же вкусный чай с любимых рук!
Волшебным фимиамом дышит вечер,
Душевность, наделяя даром речи,
Уставшую от боли и разлук.

Глаза в глаза расскажут тайну губ,
Сыграть любовь им не позволят свечи
(Я берегла их для особой встречи),
Ты в тонких мелочах бываешь груб.

Истома предвкушенья сладких мук
Растает рафинадом в чашке чая...
Ты здесь ещё, а я уже скучаю –
Разлука не для нас, мой милый друг!

Жизнь уснула в ладонях ночи,
Всё закуталось в полумрак,
В небесах мириады точек –
В чёрном поле цветущий мак.

По задворкам гуляет ветер,
Пташка спряталась, не поёт,
Огонёк одинокий светит,
В том окне, где поэт живёт.

Чтоб излить на бумагу душу,
Много ль надо - провидцем быть,
Голос внутренний сердцем слушать...
Рассветает. Проснулась жизнь.

Задрожало, прорвалось небо,
Ливень хлещет, как из ведра.
Осень мокрая – лето с хлебом,
Вылет мысли – дождей пора.

Гром и молния мечут стрелы –
Златогривая осень злится.
Чёрный ворон не будет белым,
Белым надо ему родиться.

Ароматом напитано густо,
Так и просится яблоко в рот,

Сладким соком и спелым хрустом
Искушает греховный плод.

Фрукт ядреный ломает ветки,
Воздух можно, как воду пить,
Эй, душа, вылетай из клетки,
Есть возможность грехи отмыть!

Как озимые, рвется слово,
Пробивая снега запретов,
Нарядив себя в образ новый,
В иллюзорных мирах поэта

Крестит мило дитя в пеленках
И в намоленных стенах храма,
Пролепечет малыш негромко
Долгожданное слово «Мама».

Рассказав, как идти потомкам,
Посылает с Надеждой Мудрость,
Положив Доброту в котомку,
Не бессмысленной жизни скудность.

В облачении светлой ризы
Благодатью к душе и слуху,
От рождения и до тризны
Торжество возвышает духа.

В зимний вечер словам не спится,
Примеряют мои одежды,
Добродетель проходит в лицах –
Мама, Вера, Любовь, Надежда.

Волшебная игра души и тела
Бывает только позднею весной,
Когда она, как будто между делом,
С вином вливает в кровь кипящий зной.

Шальные соловьи, забыв о страхе,
В любовных муках – ночи напролёт,
(и сколько ж силы в этой малой птахе!)
Призывных звуков источают мёд.

На зов любви летят душа и тело,
С рождения безродные мои.
И хоть душа, как осень, пожелтела,
Поют, изнемогая, соловьи.

ОСТАВАЙСЯ ТАЙНОЙ *(монолог поэта)*

Ты женщина – ты тьма и свет,
Ты солнца луч, огонь ты жаркий,
Тебя воспел художник и поэт –
Вольтер, Венецианов и Петрарка.

Ты женщина – любовь и мука,
Ты сердце заставляешь петь,
Страдать, не вымолвив ни звука,
Затем в признании робеть.

Ты женщина – жена и мать,
Ты слабый пол, но всех сильнее,
Жизнь новую способна дать,
И защитит от бед своею.

Ты женщина – ты рай и ад,
Любви земное притяженье,

У ног твоих лежу и рад,
И в том не вижу униженья.

Ты женщина – поэма, проза,
Фантазия, загадка, рвение,
Цветок любви волшебный – роза,
В тебе черпаю вдохновение.

Ты можешь все – казнить, спасать,
Ворожкой быть необычайной.
Ты можешь даже растоптать,
Но только оставайся тайной
Ты – женщина!!!

ИЮЛЬ

Июль на осень лето клонит,
Лишь первая прошла декада,
И ветки вишен в краску вводит,
Под кроной радует прохладой.

Кладет рубины прямо в руки,
Хоть сразу ешь, хоть поддержи,
Раската грома отзвук гулкий
Рысистой лошадью бежит.

Намочит дождь наряд пурпурный,
Роскошной вишни платья плюш,
Потом сбежит потоком бурным,
Забрызгав зелень листьев груш.

Возьмет черешни красной краски,
Подкрасит сполохи зарниц,
Всех подчинив горячей власти
Под шорох рыженьких ресниц.

ЖЕНА

Ночь на дворе, а свет в окне не гаснет,
Жена не спит, ну как же здесь уснуть.
К приходам поздним привыкает? – Басня,
И то, что не волнуется – всё ложь.

В горняцких семьях каждая минута
(Кормилец если в сроки не пришёл)
Бьёт тишиной в набат, а не в салюты,
И держит под прицелом слабый пол.

«Хлопок», как шалость дерзкого метана
Осиротит детей, уютный дом,
И в пух, и прах разрушит чьи-то планы,
Пополнит армию шахтёрских вдов.

С огнём донецкий край надёжно дружен,
Им каждый день наполнен трудовой,
Стоит на печке - остывает ужин,
Ждёт женщина любимого домой.

ПЕЧАЛЬНОЙ УЧАСТИ ПОЭТА

Посвящается Осипу Мандельштаму

Миг восторга и боль отчаянья,
Целомудрия дикий хмель,
Прикоснулась я к вам нечаянно.
Вы в свой сад не закрыли дверь.

В тихом шелесте трав нескошенных
Мук божественных тяжкий крест,

Вы простите визит непрошенный,
Путь указывал Благовест.

Вы садовник цветов неслыханных
(В каждом тайна и свой подтекст)
В лабиринтах судьбы испытанных
И лишенных покоя мест.

Сапогу, что муть, что величие,
С очень тонким набором чувств.
«Вождь народов» отмел отличия,
Чтоб услышать таланта хруст.

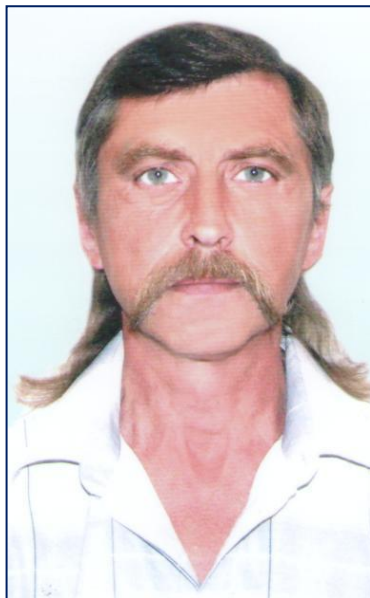
Приговор пудовый, поверьте мне,
Дивный сад не пустил под пресс.
И шагнули в века и бессмертие
Ваша боль и восторг, и крест.

ЦВІТУТЬ АБРИКОСИ

Цвітують абрикоси – заквітчане місто,
І білість така, ніби падає сніг,
А сонце холодне зійшло променисте –
У квітні зима засипає поріг.

Це свято природи – не примха людини,
Відродження фарб чарівної краси,
Не пропустіть, відлетить за годину,
Чекати приваби ще рік до весни.

БОРИС БОЧАРОВ

Родился 3 октября 1959 года в п. Новгородское, где и проживает в настоящее время. Окончил Донецкий индустриально-педагогический техникум по специальности горный техник-механик, мастер производственного обучения. Стихи пишет с юности. Печатается в газете «Дзержинский шахтер». С 2011 года посещает литературную студию «Муза».

РИСКНИ

Пора характер изменить,
И вновь заставить сердце биться,
Когда покоя нет, не спится,
Когда вновь хочется любить.

Что ж ты замкнулся сам в себе,
Переживаешь неудачу,
Похожим стал на лошадь-клячу,
Ища забвения в вине?

Звезду винишь, что Козерог,
Но только в этом ли причина?
Стань, как и раньше, ты - мужчиной,
Не жди, чтоб кто-нибудь помог.

Открой другую в жизни дверь, -
Совсем неплох уж белый свет,
Тебе не так уж много лет.
Рискни, получится, поверь!

БЕРЕГИТЕ

Говорят, что всё пройдёт, всё переболит
Всё до свадьбы заживёт, горе позабудется
Только сердце помнит всё, оно не гранит,
Словно в память о плохом рубцы образуются.

Припев:

Зачем друг друга огорчать,
Бросаться бранными словами
Зачем друг друга обижать,
Зачем на сердце снова раны.

Ему и так хватает боли
На протяженье жизни всей,
Когда теряем близких нам по крови,
Когда теряем близких нам друзей.

Если поплачешь, легче станет, –
Так говорят, но это ложь.
Сердце болит, оно не камень
И каждая слеза - по сердцу нож.

Жизнь – мгновенье, словно птицы полёт
Пролетит и вдаль унесётся.
Всё бывает: паденье и взлёт,
Всё бывает, пока сердце бьётся.

РАЗВЕ МОЖНО

Разве можно всему верить?
Разве можно верить всем?
Иногда себе не веришь,
А без веры жить зачем?
Разве можно жить без друга?
Разве можно без друзей?
Одному придётся туго,
С ними как-то веселей.
Разве можно жить без счастья?
Без страданий, без любви,
Постоянно быть несчастным,
Быть заложником хандры?
Разве можно без мечтаний?
Разве можно без мечты?
Плыть по жизни без познаний,
По ночам не видеть сны?
Разве можно без скандала
Жить до свадьбы золотой,
Говорить, что жизнь достала,
Лучше сразу на покой?

В разных красках жизнь чудесна,
Каждый надо цвет прожить,
Тем она и интересна,
Если знаешь куда плыть.

ЖЕНЩИНА

Жена, тёща, мама,
Свет без них не мил.
Говорят с ребра Адама,
Бог их сотворил.
Может, правда эта весть,
Неважно откуда,
Главное на свете есть
В жизни это чудо.
В мире нету краше дива,
Чуда из чудес.
Женщина, звучит красиво,
Послана с небес.
Радость, наслаждение,
Очаг, тепло, уют,
От любви волнение,
Для нас создают.
Словно солнце ясное
Светит с высоты,
Женщина прекрасная,
А потом цветы.
С праздником любимые,
С праздником родные,
Нежные и милые,
Вечно молодые.

НАТАЛЬЯ ВУКОТИЧ

Родилась в г. Дзержинске в 1978 году. Окончила Украинский государственный университет водного хозяйства и природопользования. Работает по специальности инженером-землеустроителем в городском совете г. Артемово в г. Дзержинске.

Стихи начала писать со школьной скамьи. Печаталась в газете «Дзержинский шахтер», в коллективных сборниках Дзержинских поэтов и прозаиков «Уголь и слово», «Встряска». Посещает литературную студию при редакции газеты «Дзержинский шахтер» «Муза».

КЛУБНИЧНЫЙ РАССВЕТ

Равнодушные капли росы
Сдавят слабость клубничного тела.
Засочатся сквозь утро часы,
Выжимая рассвет онемелый.

Потаенной измокшей тропой,
Попадая во влажность тумана,
Выпью я истощающий зной
Красных ягод, безумно желанных.

Я собью с ягод плен скользких рос,
Их в ладонях без слез задушу.
Покажусь из-за спутанных кос,
Чуть касаясь, тебя разбужу.

И поднимется над суетой
Опьяневший, вскружившийся свет,
Опрокинется диск золотой
Вместе с нами в клубничный рассвет,
Оставляя в душе яркий след.

НАЗВАННОМУ БРАТУ

Ты улетаешь, и жестокий закат
Жутко смеялся.
Ты оставлял, осторожный мой «брат»,
То, что боялся.

Хочет все бьётся злым эхом в ушах-
Некуда скрыться.
Ты подарил эту боль мне и страх,
Ты - чувств убийца.

Всё, что хорошего было у нас
Я забываю.
Знаю, любить не умеют сейчас,
Не предавая.

Твой поцелуй, как предательства знак
Нежного счастья.
Будет терзать безнадёжности мрак
Сердце на части.

Ты в своей жизни сумел воплотить
Страшное чудо.
Вдруг из того, кого можно любить
Вышел Иуда.

Я устала дышать
В завиток остывающей жизни.
Отчуждения шарм
Леденяще тоскою вновь взбрызнет.
Улетает с губ жар,
Не согревший холодной мишени.
В мертвость зим мозг мой стар -
От желаний остались лишь тени.
Внешний мир - что есть он?
Расхождение с заданной целью.
Курс в мишень отклонен-
Он заслушался музык свирельных.
Но смогу ли понять взгляд в себя:
Это дар или кара?
Я устала дышать-
Вся я только мечта,
Вся я только полет Икара.

Памятник из черного гранита –
Я под ним похороню ошибки.
В разочаровании пиита
Их застыли мертвые улыбки.

Руку из манжетных белых кружев
Мне печаль протянет, поздравляя,

Что январской беспокойной стужей
Я уж никого не занимаю.

Что смогла похоронить ошибки,
Как бы они громко не кричали.
Стоны глушит траурная скрипка –
Дружба старой хищницы-печали.

Зов ее, как рыки львиной стаи
Унесут рассеянные ветры.
Видимо, прекрасно понимая,
Что рычанью требуются жертвы.

Но лучи полуденного солнца
Зов отвергли, издали сияя,
Истинная муза где смеется,
В руки не дается, соблазняя.

Все мои невинные ошибки
В памятнике черного гранита.
Там застыли мертвые улыбки –
Разочарованье для пиита.

Разговор не клеился-
Тягостный пустяк.
Кто на что надеялся
Не понять никак.
Плюс и плюс не сходятся
Плачь ты иль не плачь.
Сколько ж хороводиться
Нам, ты обозначь?
Лишь луна унылая
Наш осветит путь.
Как с тобой остыла я –
Сделай что-нибудь!

ТВОЙ ГОЛОС

Твой голос был строг, ты был краток
Не так, как когда-то в июне.
Июнь то был мягок и сладок,
А нынче - ответил, что плюнул.

Отныне весна мне не в радость,
И враг мне теперь каждый вечер.
Недолгого счастья сладость
В агониях памятной встречи.

«Сегодня никак!» - лишь два слова,
Твой голос был строг, ты был краток.
Чужой, ледяной... Казанова,
Ты все позабыл, и порядок.

Любовь не удержишь, все. Поздно:
Летит она с неба звездою...
Твой голос чужой и морозный
В сугроб мое сердце зароет.

Надежды осталось так мало
На сердце - забвенья печать.
Оставив, что нас согревало,
Бежать от тебя, бежать.

И к боли привычно-устало
Надежда лишь чудом жива.
Была ведь любовь и не стало -
Потом кто-то скажет слова.

Прозрение, ты опоздало!
Вдруг веры слепой пелена

Сорвется с лица покрывалом,
А там - только пропасть без дна.

В глазах ещё милых, как прежде
Читается страшная весть.
Я вся на виду, «без одежды» -
Глаза лишь стыдливо отвесь.

Ты смог, и защиты не стало,
И правда не может помочь.
Надежды осталось так мало,
И ночь, леденящая ночь.

Мои обнаженные чувства
Надеждой прикрой, как пальто,
Но не объясняй мне вновь грустно,
Что ты для меня НИКТО.

Я все, что любовь убивало
От нас, как умела, гнала.
Надежды осталось так мало -
Не дай, чтоб она умерла!

НА ПУТИ

Прости меня, любимый мой,
За вечер не с тобой.
Слеза бежит ранимая
По грусти золотой.
Пусть чувства запорошены,
Замедлит время бег -
Я вспомню наше прошлое,
Февральский вспомню снег.
И взгляд прощальный вспомнится.
Волнуя и пьяня
Придёт ко мне бессонница
И упрекнет меня

За слепоту, что мимо я
Тебя смогла пройти.
Но знай одно, любимый мой,
К тебе я на пути!

ЛЕСНАЯ ОТШЕЛЬНИЦА

Тисов аллея затеряна где-то,
Бродит там фея из Лунного света.
Стражи-деревья там рано встают,
Песню призывную деве поют.
С ласковым ветром их шепчутся ветви,
Стонут в мелодиях жарких приветствий.
Дева неслышно скользнёт по воде -
Ей хорошо в мире тисов-людей.
Дружно с её щечек спрыгнув веснушки
Эльфами стали вдруг среди опушки.
Ландышей заросли им, как обитель,
Их колокольцами звонят за нити.
Рыжие эльфы ведут хоровод,
Тихо касаясь поверхности вод.
Нет, не покинешь ты эту страну.
Озеро манит - всмотришь в глубину:
Розовый мрамор проложен по дну,
Золото рыбок застыло, уснув.
Чистый здесь воздух и сладко так спится
Над тишиною лесною царице.
Тисы сомкнули верхушки навечно,
Травы высокой стеной бесконечной.
Путь в дивный мир никому не узнать.
И не увидеть озёрную гладь.
Нет, не нарушится леса биенье -
Забвенье не тронет его пенопенья,
Что не тревожили хрупкого сна.
Солнца не нужно - здесь светит она.
Тисов аллея затеряна где-то
Бродит там фея из Лунного света.

НА ПУТИ

Прости меня, любимый мой,
За вечер не с тобой.
Слеза бежит ранимая
По грусти золотой.
Пусть чувства запорошены,
Замедлит время бег -
Я вспомню наше прошлое,
Февральский вспомню снег.
И взгляд прощальный вспомнится.
Волнуя и пьяня
Придёт ко мне бессонница
И упрекнет меня
За слепоту, что мимо я
Тебя смогла пройти.
Но знай одно, любимый мой,
К тебе я на пути!

Дыханье ветра для тебя
Смешается с моим дыханьем.
Как приоткрылись грёз желанья
Ты вспомнишь, в осень уходя.

Желанием прощать, любя,
Наполнишь чувства новой тайной.
Ведь этот взгляд такой случайный,
Случайным не был для тебя.

Желанье искренность найти
И утонуть в её признаньях.
И гордым быть от пониманья,
Что смог среди будней обрести

Бесценное любви сиянье.
И будет ночь, и будет тайна:
Дыханье ветра для тебя
Смешается с моим дыханьем.

Иней укутал ресницы,
Сердце осыпал злой снег.
И замолчали все птицы,
Слыша холодный твой смех.

Эти озябшие птицы –
Встречи последней наш штрих.
И в пустоте, на странице
Жалкий ютится мой стих.

В сердца саду раздаётся
Птиц замерзающий стон.
Так погибают под солнцем
Кто безнадёжно влюблен.

И что-то умерло в груди,
Что-то погибло.
Слова впиваются твои
В меня, как иглы.

Хоть возвратился и пылал
В тот вечер жарко,
Ты жарче страсти обжигал
Обид подарком.

Не знаю, сможет ли забыть
Обиду память.
И можно ли того любить,
Кто мог так ранить.

НИКОЛАЙ ГРИНЁВ

Родился 9 июля 1954 года в г. Дзержинске. Шахтер в третьем поколении. Более тридцати лет проработал на шахтах города горнорабочим очистного забоя и забойщиком. Награждён орденом «За заслуги» III степени. Полный кавалер знака «Шахтёрская слава», Герой Украины. С 2002 года - Почетный гражданин города Дзержинска.

Писательскую деятельность начал в 2005 году, уйдя на заслуженный отдых.

Автор книг: «Неизвестный Дзержинск», «Третья зона», «Искушение бесом», «Сказ о том, как ПОРА на Русь пришла». Составитель сборника прозы и поэзии жителей города Дзержинск «Встряска» (2011).

СОН И БАХ

Стоит только моим ногам ощутить под собой твердь перрона, как во мне начинает зарождаться волна бывшего авантюризма. Это когда я, в недалеком прошлом, мог сиднем сидеть, а потом внезапно собраться и отправиться в путь для осуществления внезапно пришедшей идеи. Сегодня точно такая же история – пришел домой, отработав в третьей смене, наполнил желудок, чем Бог послал, вспомнил, что мне нужно в Донецк, сориентировался по времени и вот, вместо сна и отдыха, стою со знакомым чувством в ожидании, только не поезда, а электрички.

- Где же те поезда, на которые мы вечно опаздываем? Где эти забытые ощущения ожидания неизвестности? Однажды наступит твой час, и ты сможешь почувствовать себя кочевником древности, покоряющим нашу планету. Ты становишься, подобен страннику ледяного безмолвия, куда ни кинь взор – везде твоя дорога, и выбор зависит только от тебя самого. Кто бы ни старался остановить тебя, что бы ни нашёптывали твоему «я» на ушко, двигайся вперед. Помни, у тебя есть цель, и ты должен её достичь, иначе жизнь будет скучна. И тогда, после незаметного наступления старости, придет конец всех желаний. И всё. И никакого следа. Так, затерявшаяся пылинка в мире Вечности. Но ведь жить, не оставляя следов – это прозябание. Поэтому не стоит бояться морозящего дождя, нужно брать зонтик и вперед!

Но сегодня дорога уже позвала меня с собой, и я благодарен ей за проснувшиеся отголоски былых путешествий.

- Ну и что, если сегодня – электричка? Вперед! Да здравствуют наши стальные магистрали!

Тяжело заскрипели тормоза подошедшего состава. Вскоре двери закрылись, отделяя пассажиров от привычного мира, и неутомимая труженица, королева железной дороги, начала быстро набирать скорость. Лучшее место – возле окна. Тепло в вагоне, хорошо-то как после улицы – не то слово.

Напротив меня сидит барышня. Сразу видно – студентка. В последнее время я обычно молодых девиц зову барышнями. А то ведь обратишься, мол, девушка, и не угадаешь, а она может еще и обидеться.

- Ладно, барышня барышней, но меня что-то необъяснимо быстро потянуло в сон, даже пару раз пришлось тайком зевнуть. Если и засну – ничего страшного, дорога знакомая, не просплю. Почему-то, кажется, что я непростительно легкомысленно поступлю, отдавшись сну в непригодном месте? И ничего в этом удивительного нет – третья же смена. За карманы не страшно – чистить нечего. Тем более студентка напротив...

Неконтролируемая нега разливается по телу.

- Интересно, я уже сплю или нет?

Вагон покачивается, словно стараясь окончательно убаюкать; сознанию очень хорошо – я как будто нахожусь в необъяснимом коконе, сотканном из невидимых удовольствий, но не могу понять – все-таки сплю или нет?

Звонкий, во всю мощь легких, как мне показалось, мужской голос, разрубил мое сознание на две части, словно отработанный удар рыцарского меча:

- Универсальный крючок для ремонта обуви, заводской, не самодельный! Самодельный – рвет кожу, вырывает нитки, портит и насилует вашу обувь! За моим же крючком, нитка идет нежно, гладко и приятно глазу!

- Значит, я уже спал, - открыл глаза, опять закрыл, про себя подумал о торговце, вырвавшем меня из объятий сна. - Идиот! Ну, кто будет брать твои крючки? Кто отважится своими руками окончательно испортить свою обувь? Если возьмет, то только специалист, а у него дома обязательно есть запас инструмента, и сейчас он спокойно сидит на своём рабочем месте. Так что ты, дядя, «вляпался» со своими крючками.

Вдогонку крючкам полетело по вагону:

- Пирожки – по сорок копеек, с картошкой, с капустой, с печенкой, с горохом, с ливером, с гарантией...

Глаза медленно закрываются. Я плыву, плыву, проваливаюсь...

- Всё просто отлично – я сплю, и моему желудку не страшны никакие пирожки с ливером.

Снится, или назойливая продавщица сумела всё-таки всучить мне изделие своего семейного бизнеса? Это – какой-то бред, но я, тем не менее, подношу ко рту, необыкновенной величины, тёплый аппетитно пахнущий пирожок, наполовину завернутый в бумажное гарантийное обязательство. Медленно начинаю расправляться с этим куском теста, красиво прожаренным в масле трехлетней давности. Еще медленнее зубы вонзаются в начинку, называемую «ливером». Но задолго до того, как только смог ощутить его вкус, я нутром почувствовал, что намешано в этой «адской» смеси. Несколько крупинки начинки выскальзывают, скатываются по моему подбородку. Капает масло на пол, соединяясь с «ливером». Образуется белое пятно, стремительно увеличивающееся и поднимающееся вверх. И это уже не сгусток непонятной белой субстанции, а передо мной стоит женщина в белом балахоне, размахивая своим неотъемлемым атрибутом; женщина, с которой мы последний раз «контактируем» в этой жизни. Распластавшись под потолком, она протянула руку в мою сторону, и я увидел на ее пальце

перстень с символичным изображением черепа и костей. Мне, застывшему с пирожком во рту, трудно отвести глаза от её пронизывающего взгляда. Я пытаюсь оттолкнуть, не пустить в себя её шепот, рождающийся у меня над головой: «Ливера захотел? Будет, сынок, сейчас тебе ливерок».

- Брр! Мне кажется, что при случае, меня и пытать не придется, просто достаточно показать пирожок и сказать: «Это с ливером». Несложно и без лишней жестокости. Все скажу, не нужно обливать водой на морозе, не нужно сверлить зубы. Легко и понятно: «Это ливер!». Но мне это не грозит – я, прислонившись к боковой стенке, сплю в электричке хорошим, крепким сном, после своей обычной трудоемкой третьей смены.

Резко, сметая одним махом все пирожки, кто-то женским голосом начал вбивать очередной клин в мою голову:

- Чухонь свежая, хорошо просоленная, только из Мариуполя!

Мой мозг, не ощущая течения времени, совсем уже сдался, но где-то в середине сознания – мысль рванулась наверх солнечным протуберанцем, требуя элементарной справедливости:

- Какая чухонь? Она сказала неправильно, нужно – чехонь. Да какая в принципе мне разница? Но ведь на улице – февраль, на море – лед, почему рыба свежая? Жесточайший обман! Да пропади она пропадом твоя чухонь-чехонь!

Ресницы уже давно утратили свою силу и сдались... Чехоньская стая проплыла мимо, почти не задев меня.

Я сплю. Блаженство покоя. Я «покачиваюсь» на нежной паутине сна.

- Щетки для побелки!! В любом доме могут пригодиться!

- Когда в последний раз так жестоко издевались над моими сновидениями? В армии? Точно!

Блок памяти начал прокручивать армейскую «учебку» – запорожский ШМАС. Ежедневный подъем происходит с особым усердием, потому что трое курсантов, последними выбегающие из казармы, будут драить коридор ста двадцати килограммовой «бабой Машей», и только потом – занятия, шестикилометровый кросс по весенней пахоте, в условиях, приближенных к боевым. А уже вечером – караул, пост № 1, где ты стоишь по стойке «смирно» на постаменте десятисантиметровой высоты и размером сорок на сорок сантиметров. Особенно «интересно» стоять ночью возле знамени части, зная, что за тобой может наблюдать сквозь щелочку в двери, дежурный по части – «старлей», бывший капитан. Раньше он любил бродить по вверенной ему территории, выскивая нарушителей в несколько странной форме одежды для офицера: сапоги, кокарда, и... трусы; в соответствии

параграфа Устава караульной службы, его фантастически огромный живот опоясывала портупья с табельным оружием. И сейчас, проникнутый огромным чувством ответственности за знамя секретной части, я чувствую, что мой командир стоит за дверью, расставив ноги и перегнувшись через свой розовый «барабан». Он наблюдает, ждет, когда сон сбросит меня с постамента, и тогда старлей проявит бдительность. Мне кажется, что я слышу его еле сдерживаемое дыхание. У него еще есть время получить «капитана» до ухода на пенсию...

Помни часовой – враг не дремлет! Каждая клеточка моего тела знает, если мои глаза потеряют бдительность и на мгновение закроются, тогда я мгновенно из вертикального положения, в лучшем случае, окажусь на корточках. И не дай Бог, мне оцарапать штык-ножом плексигласовый шкаф – это равносильно преступлению.

Тело всё же качнулось, и непонятная сила швырнула меня на пол. Какая это неизмеримо страшная сила – сон! Мгновение – и я стою почему-то на корточках, а мой родной АКМ бьется по затылку и довольно ощутимо. Еще быстрее я водворился на свое место, боясь взглянуть на шкаф. Дверь в «дежурке» быстро распахнулась. Все как я и предугадывал – сначала распространился винный запах плодово-ягодной «жужки», затем по очередности начали появляться живот, портупья, согласно правилам ношения формы одежды – синего цвета трусы, и только потом уже – товарищ старший лейтенант. Обвел мутным взглядом «крестовину» штаба, вздохнул (опять не успел), дверь закрылась. Не быть тебе, товарищ «старлей», наверное, никогда капитаном. Слышно, как скрипнула кровать, а тут даже не присядешь – сразу сон свалит, да и входная дверь напротив. Ох, и боком выходит этот почетный пост № 1.

Перед нами служили ребята одной небольшой южной национальности. Вот уж были артисты, так артисты! На этом же месте, где я воюю со сном и с мыслями, тешившими душу дежурного по части за дверью, в пяти метрах от меня, эти джигиты ставят автомат в угол, ложатся на пол спать, используя вместо подушки огнетушитель. В свое оправдание они дружно говорили:

- А что? На огнетушителе удобно, а оружие у нас дома всегда возле кровати стоит.

- От капустянки, от плодоярки, листогрызки, веткогрызки, перед распусканием почек...

- Возможно, я все-таки просплю свою остановку, студентку попросить... нужно попросить.

Я сумел открыть глаза. Оказывается, я – человек неимоверной силы воли, а моя надежда, студентка, спит. По неторопливо

меняющемуся пейзажу за окном, понял – преодолено чуть больше половины пути. В проходе напротив нашего сидения остановилась... женщина, на барышню она точно не тянет, в виду неопределенного возраста. Лицо – пропитое, отдаёт странной неземной синевой. Обладательница тоненьких кривеньких ножек, в тёплых колготках малопонятного цвета и коротенькой юбочке, держит щётку для побелки. С улыбкой Джоконды предлагает свой товар. Но более всего «убивает» её фартук с рюшечками. Да-да, именно тёмно-розовый фартук с фирменным знаком «Заря». Давно, в детстве, я читал фантастический рассказ «Синие люди»... Если следом за ней появится еще один пришелец женского пола, то я точно закричу:

- Люди, спасайтесь! Они пришли! Они уже здесь, среди нас, мирных землян!

Но «щетки» уже были, или «они» возвращаются? О, Господи, лучше бы я не просыпался! И в каждой сказке есть доля правды. А Жюль Верну подобный сюжет даже не снился!

Щётки от фирмы «Заря» медленно поплыли дальше по вагону. Я глянул ещё раз в окно с целью определения местонахождения и закрыл глаза.

- Гигиеническая помада! Дождевики по три-пятьдесят! Брелки для автомобильных ключей!

- Помада – согласен. Дождевики – да. Но брелки?! Для автомобильных... Необъяснимый кошмар...

Интересное состояние организма: тело уже спит, независимо от позы, а мозг по-прежнему отмечает станции и всех коробейников, зарабатывающих себе, кто на жизнь, кто на «мерзавца» («малёшка», бутылка водки объёмом 250 гр.).

Но я игнорирую все чужие попытки всунуть мне какую-либо безделицу, потому что мое тело уже бесчувственно, и только часть мозга следит за окружением, отмечая мерное покачивание вагона под тихий перестук колес. Хотя это не похоже на покачивание, да и вероятнее всего, это не перестук, а поскрипывание... колеса обозрения. Точно, я нахожусь в Мариуполе на чертовом колесе, расположенном в нескольких сотнях метров от береговой линии на возвышенности.

- Не может быть, чтобы я добровольно согласился на этот «аттракцион смерти»! У меня нет желания любоваться неопикуемой красотой с высоты птичьего полета. Я не для этого рожден! Настоящая красота всего земного и осознание собственного мужества может открыться смертному только после того, когда он, поборовшись с Матушкой-природой в недрах Земли, поднимется победителем на-гора... А этого изобретения человечества я боюсь! Для меня оно несет больше страха, чем развлечения. Я не хочу укреплять волю! Потом, может быть,

как-нибудь в другой раз, не сегодня? Но ведь какой чудесный вид открывается с верхней точки: морская гладь, ставшая издали голубой, два небольших корабля идут параллельным курсом.

«Мой белый пароход» неожиданно изменил направление и пошел на всех парах в мою сторону. Он приближается с фантастической скоростью; иллюминаторы открылись, и из возникших отверстий выдвинулись длинные весла – корабль прибавил скорости. Между ним и берегом еще приличное расстояние, но я уже довольно явственно слышу нарастающий скрип уключин...

Казалось, мой аттракцион задрожал и заскрипел каждым своим соединением: со швов сварки начала отлетать закрашенная ржавчина, прямо над головой массивные гайки угрожающе сдвинулись со своего места... А носу корабля в нетерпении собралась бордажная команда с хищными улыбками. Несколько полуголых матросов, одетых лишь в яркие шаровары, яростно размахивали над головами веревками с бордажным крюком, подбадривая друг друга громкими криками: «Сарынь на кичку!». Остальная масса людей, стоящая сзади, время от времени взмахивала кривыми мечами, и, соглашаясь с передними рядами, добавляла: «На кичку! Ядрена мать!».

- Причем здесь «Сарынь на кичку!», - рассудил я, судорожно вцепившись в поручни своей каютки. – Это же из далекого, почти забытого, мира. Бред неопишемый!..

Странно, но корабль, несмотря на мелководье, продолжает мчаться к берегу; внезапно над ним, со стороны солнца, появился дельтаплан – вниз устремилась пачка листовок, превращаясь в бумажное облако. Команда, загипнотизированная падающими с неба надеждами и коварными обещаниями, подняла головы кверху...

Мечта детства – дельтаплан, сделав круг над судном, растворился в солнечном свете.

- Эх, дельтаплан! Хорошо бы с мотором!..

Какой дельтаплан?! Какой Мариуполь?!

Я просто не могу быть сейчас возле моря! Это не мой мир! Я, я...

Я чувствую, что мой рот приоткрылся, нижняя челюсть медленно поползла вниз. Сдается, сейчас слюна потечет через край, а напротив меня барышня сидит и, наверное, я сейчас своим беспомощным видом вызываю у неё смех. Даю команду: «Рот закрыть, глаза открыть». Команда дана, осталось привести в действие. Так, рот закрыт, зубы стиснуты. Однако почему глаза (всегда послушные) сегодня не хотят открываться? Не хотят жить по команде, им на все начхать. Начхать на то, что их хозяин нечаянно может уехать на лишние сорок километров от того места, куда едет. Просто пятая колонна...

- По сорок копеек, пирожки! – опять разрезал мой уютный мир покоя этот противный, пронзительный голос. - Дешевле нигде не найдете!

Не видя ни разу продавщицы, я ее уже ненавижу за то, что она оторвала меня от мечты моего детства, за ее голос, насыщенный запахом ливера.

- Небеса! Дайте мне силу сдержать себя и не послать заряд своей ненависти прямо ей в глаза.

Открываю с трудом глаза – это уже подвиг.

- Искать пирожки? - сформировавшись, мысль попробовала заявить о себе. - Идиотка! Чтобы они у тебя завтра, лучше сегодня, все сгорели.

Встретился глазами со студенткой, улыбнулся:

- Я после ночной смены, глаза сами закрываются, а съездить нужно.

- Я понимаю, у меня отец – шахтер.

Шествие коробейников временно затихло. Я опять мгновенно провалился, не знаю куда, но состояние организма, подобное анабиозу, несомненно, годится для межгалактических полетов. Электричка мчится, тела не чувствую, мозг работает, чтобы в нужный момент отдать команду...

- Серебро чистое, крестики, цепочки, церковные календари для любой веры берём. Кто ещё забыл купить календарь?!

- Календарь в середине-то года? Я не могу этого понять. Только идиот. Вернее, идиот продаёт, но голос женский, значит, он – женского рода... Что же это я заладил: идиот, да идиот? Со стороны подсмотреть мои мысли – можно подумать, что для меня окружающий мир состоит из одних идиотов. Ну, допустим, не из одних... Так, отчасти, но сегодня все они почему-то собрались именно в этом электропоезде, я понимаю – кушать все хотят, но...

- Цепочки, крестики освященные, чистое серебро!

- Чья фантазия носит чистое серебро в электричке? Цепи рабства... Цепи брака... Цепями прикованы мы к труду, хоть шахтер, хоть академик. Похोвайте, та вставайте, кайданы... цепи, цепочки...

Я, оказывается, не знал, что могу так быстро засыпать. Удивительное дело, сколько живу, но никогда за собой этой странности не замечал.

Вновь я – на высоте, только на этот раз внизу не расстилается морская гладь. Куда ни кинешь взор – всюду скалы. Подо мной – ущелье. Стоя на вершине, вглядываюсь вдаль. Определенно, я кого-то жду. Необычное ощущение ожидания. Показался небольшой караван – это они, бледнолицые убийцы. Всадники приближаются...

- Пирожки! Кому пирожки?!
- Почему бандиты – гроза трех штатов, торгуют пирожками?
- Свежие!

Пейзаж Гранд Каньона исчез, я открыл глаза – убийца, торгующая пирожками, поймала мой взгляд, неправильно его расшифровала. Мои губы шептали:

- Ты уж точно – убийца, не менее двухсот тысяч нервных клеток у меня сегодня уничтожила. Мало того, что не дала отомстить, еще и мечтаешь отравить меня изнутри.

- Так, что вы, молодой человек, шепчете? Выбрали пирожок: с картошкой, с капустой? Может, с ливером? Еще осталось немножко. Видно, что с работы, устал – подкрепись маленько.

- Теть, отстань!

- Грубиян, какой! С виду воспитанный, а внутри – хулиган.

- Иди своей дорогой, убийца!

- Люди, вы только посмотрите, что творится на белом свете – с утра понажираются алкоголики... Людей на рабочем месте оскорбляют. Чистое хулиганство! Милиция!

«Пирожковая мамаша» с невозмутимым видом пошла дальше по вагону и через пару метров от меня вновь раздался интригующий призыв:

- Пирожки свежайшие, ещё тёплые...

Я ей вслед пробурчал:

- Скажи еще, что в соседнем вагоне у тебя микроволновка стоит. Санстанции нет на вас!

Ответом, естественно, меня, паяца, не удостоили. Со студенткой начало происходить действие, скорее похожее на истерику, чем на простую реакцию от просмотра ею бесплатного спектакля. Человек непосвященный мог бы ненароком подумать, что ее сопровождают для последующего определения в областной психоневрологический диспансер... Она, как проглотила пару минут назад «смешинку», так и до сих пор не могла с ней справиться. Я с благодарностью смотрел на нее, давившуюся смехом, который я подарил ей. Студентка наблюдал за состоянием постороннего человека, которое с ним сделали «пирожки», медленно мучавшие его, в течение полутора часов. Для меня же это было великолепное зрелище. Я люблю, когда люди улыбаются, тогда они становятся добрее, милее, отзывчивее. Наблюдать таких людей – не только составляет удовольствие, но и дает возможность убедиться, что все-таки хороших, окружающих нас людей, гораздо больше, чем тех, кто радуется лишь тогда, когда выбивает табурет из-под наших ног. Но и согласиться необходимо с фактом, что одна смеющаяся студентка

лучше компании гогочущих парней. После того, как соседка успокоилась, я с совершенно наивным видом задал вопрос:

- Барышня, когда пирожки назад пойдут, я вам куплю. Вы, с чем предпочитаете? Не с ливером?

На этот раз уже мы вдвоем не смеялись – мы умирали от смеха, чем вызвали недоуменные взгляды соседей по «купе». Некоторые смотрели слегка осуждающе – мы ведь отвлекали их своим «беспричинным» смехом от занятий умственным трудом – от решения кроссвордов. Я уже представлял, как в эти кроссворды заворачивают пирожки, и продолжал давиться смехом.

За этот ничтожный отрезок времени, длиною всего в полтора часа, моя жизнь могла сократиться на несколько лет, если бы не эта душеспасительная сцена окончания пирожковой эпопеи. Поездка, имевшая такое прелестное, возбуждающее начало, оставила бы самый тяжелый несмыываемый осадок за всю историю моих путешествий, если бы вместо барышни напротив меня находился чопорный «черствый сухарь».

С некоторой долей грусти я стоял на перроне и провожал электричку, уносящую вдаль мою спасительницу, годящуюся мне в дочки.

Уже продолжая свой путь на троллейбусе, я вспомнил (благо здесь уже никто не мешает), подобный случай из своей жизни, но там я был совершенно в другой роли. В 1988 году, последним пунктом моего отпуска был город Рига. Сняв комнату, сразу же отправился в Домский собор. Мне тогда несказанно (или неслыханно?) повезло, я даже не знаю, как выразиться, но билет брал за пять минут до начала концерта, а достался десятый ряд и место посередине.

Звучащая музыка, акустика зала, интерьер, красота самого собора – действовали возвышенно на чувства зрителей. Мне казалось, что я просто парил под куполом, растворившись в этом мире красоты и звуков органа, которые я действительно люблю. Органу почти сто пятьдесят лет, но какая мощь! Какой звук! Оглядевшись вокруг, оценил состояние соседей – многие, как и я, витали на десятом небе. Увиденное и услышанное, в совокупности со всей этой «заграницей» должно действовать на любого человека, слышавшего такое великолепие только по телевизору, и то, если страна провожала в последний путь очередного генсека. А тут все вживую (кроме руководителя).

Минут через десять-пятнадцать, сбив оскомину, (возможно, дала себя знать дорога: ночной поезд «Таллинн – Рига»), я начал поглядывать по сторонам, пытаясь незаметно рассмотреть незнакомых людей. Нахожусь ведь на берегу Балтики – это для меня (в те времена, и не только для меня) было почти на краю света.

Спустя много лет, оказалось, что я поступал правильно, слушаясь голоса сердца, отдавался во власть перипетий многодневных путешествий по стране, а не радовался увеличивающемуся счету на своей сберкнижке в отделении главного банка нашей... Родины. Тут бы в самый раз хихикнуть, но это уже будет злорадство, никак не относящееся к чертам моего характера.

Смотрю – таких, как я, приезжих, в зале больше, чем достаточно. Отличаются и по одежке, и по выражению лиц. Тянется простой народ к искусству. Люди за тридевять земель приехали приобщиться, прикоснуться душой к великим композиторам, к музыке, живущей веками. Стараются, вернее, даже силятся понять, что же они слушают и зачем они вообще сюда попали? Кто-то – по собственной воле, как я, но таких мало; остальных – экскурсией затянули.

Оригинально выглядит зритель, слушающий «вечную музыку», старающийся выглядеть и «докой», и одновременно прикрывающий зевок ладошкой – пропал трояк. Зато дома землякам будет рассказывать, потрясая пальцем в небо:

- Я самого Баху слышал!

Впереди меня сидят два солдата срочной службы. Совмещают приятное действие и полезное – в увольнении решили приобщиться к искусству европейских классиков. Один из них весь концерт просидел как загипнотизированный, не отводя своего взора от солистки, даже не так, скорее всего – он был очарован волшебством, творимым хрупкой женщиной. Если первый попал под воздействие музыки и искусства органистки, и сидел, не шелохнувшись, то его компаньон уже минут пять воевал со сном (хоть здесь молодой воин отдохнет). Из собственного армейского опыта я решил: ребята служат в стройбате. Судя по форме, иначе быть не может, потому что на погонах и петлицах голубого цвета, знаки различия рода войск: по погонам – артиллерия, по петлицам – танкисты. Выходит, главным их оружием является... лопата.

Чем больше я наблюдал за неравной борьбой бойца со сном (в которой он явно проигрывал), тем все смешнее мне становилась эта сцена. Глаза солдатик не открывал, но старался голову держать прямо; а она, тяжелая, все норовила упасть на грудь. Голова начинала медленно клониться, дрожа мелкой дрожью, касалась подбородком груди, затем, по истечении нескольких секунд, она делала еще добавочный продолжительный кивок вниз. В профиль хорошо видно, как в этот момент его продолговатый нос (подобно клюву птицы) делал движение в своей последней фазе, когда подбородок касался тела, словно птичий носик – клюнь. Потом так же медленно начинал подниматься, доходя до нормального положения, замирал, будто бы вслушиваясь с закрытыми глазами. Не видит, но слышит – его

монотонную цикличность его движений я сравнил с работой радара. Правильное место ему Вооруженные Силы СССР определили – на западном рубеже страны. Я представил, как он, славный советский воин, стоит на берегу Балтийского моря и бдит наши морские и воздушные границы: головой с закрытыми глазами вверх-вниз, вправо-влево – где агрессор, где проклятый? А еще уши пошевеливаются, и носик – клюнь-клюнь, клюнь-клюнь. Не страшно нам НАТО!

И так же мне стало потешно... Потешно – это мягко сказано. Я пытался, конечно, сохранить серьезной мимику лица. Разве в храме искусства позволительно смеяться? Кошунство! Поначалу у меня хватало сил не выпускать свой припадок смеха наружу. Мое сознание разделилось на две части, одна продолжала восхищаться музыкой, другая силилась загнать вовнутрь и уничтожить рвавшееся на свет, на свободу волеизъявление чувств души. Немного наклонившись, прижал ладони к лицу – вроде бы наступило просветление для разума; но самое чистое и яркое чувство растоптали, уничтожили, повесили ему камень на шею и бросили в омут... Попустило. Я вздохнул, избавившись от греха. Поднял голову, перед глазами: клюнь-клюнь, подъём, потом – обратный процесс. Вот и все... веревочка оторвалась – омут оказался слабым; вторая половина мгновенно оказалась на лопатках, и меня буквально затрясло от нового приступа беззвучного хохота. Уже не было органа, басы отодвинулись на второй план; и началась борьба с самим собой, в которой я явно проигрывал.

В это время публика была буквально вдавлена в кресла тяжестью звучащей музыки. Однако меня уже трусило как колокольчик. Соседка справа, слегка отодвинувшись, выражая тем самым свое возмущение, посмотрела длинным осуждающим взглядом:

- Молодой человек, разве можно себя вести подобным образом?

Я оставил ее вопрос без внимания. Смех, раздражающий мое лицо на части, продолжал творить со мной свое черное дело. Это был какой-то «гомерический смех под вуалью».

- Как можно, молодой человек? Это же Бах! – вновь обратилась соседка ко мне, делая ударение на слове «Бах».

Я представил солдатика в образе танцующего «севильского цирюльника», и одновременно отбивающего телеграфным ключом (т. е. носом) морзянку: клюнь-клюнь. Почти сквозь слезы ответил назойливой соседке:

- Это не Бах. Это Антонио Вивальди, «Времена года», если вам будет угодно, барышня, - и, решив отбить у нее охоту общаться со мной, добавил. - Прежде чем за Баха с Вивальди братья, нужно грязь под ногтями вычистить, они заслужили это, поверьте мне. И вообще, я заплатил три рубля, поэтому что хочу, то и делаю.

- Ах?! - она глянула на меня так выразительно, что стало ясно без слов: если сейчас она закричит, то, бесспорно, перекроет орган на самой высокой ноте.

Сразу же зашипела соседка слева:

- Нужно вывести это бескультурье из зала, - и завертела головой по сторонам, то ли ища поддержки, то ли – милиционера. Судя по интонации, у нее после моего смеха над их чувствами (точка зрения рядом сидящих зрителей) к великому композитору, никогда бы рука не дрогнула... Уже и солдатик проснулся, начавший внимательно слушать заканчивающиеся «Времена года», а меня по-прежнему трясло...

Окончательно успокоившийся, я обратился к агрессивной соседке, с виду весившей килограммов сто десять – сто двадцать:

- Насчет бескультурья, мадам. Вы случайно не знаете, как у древних греков звали музу комедии? Молчите? А я знаю – *Талия!* Очень мудрый был народ.

Ответом одарить, ясное дело, меня не удосужились, а вот с женщиной, сидевшим рядом с ней, повторился припадок, аналог которого несколько минут тому назад крепко держал меня в своих объятиях.

- М-да, хорошее развлеченьице я нашел на краю света. После концерта нужно публику, - раздосадованный фактом игнорирования моей ироничной реплики, я начал размышлять о том, какую бы кару придумать соседке, - определить в особый карантин, чтобы начало эпидемии беспричинного смеха не перекинулось на территорию страны, а то, не дай Бог, начнут смеяться от Балтики до Владивостока – тогда не останутся...

Зазвучавшие «Страсти по Матфею» И. Баха мы уже умиленно слушали, не обращая внимания друг на друга. Весь зал упивался в тишине красотой звучания и искусством великого немецкого композитора. Весь зал – люди как люди, кроме этого странного мужчины, с виду обладающего чертами лица абсолютно нормального человека, а по поведению – явно чем-то заражённого, и не исключено, что каким-то неизвестным вирусом – граница-то почти рядом. Я искоса посмотрел в раздумье на него, не способного справиться с нахлынувшим весельем:

- Неужели и я так себя вел? Мне кажется, что я был менее одержим приступом бессмысленного (?) смеха. Клинический случай...

Мы отовсюду слышим: смех – здоровье, смех – удлиняет жизнь. А если эта пара – супруги? Он не очень-то крепкого сложения... И тогда дома досконально узнает всю мудрость эллинов. Но агрессивная женщина молчит. Злобу ли копит «богиня»? Ну, теперь уже точно пропал мужик. Вот они сидят рядом со мной: два характера, два восприятия, две реакции на незатейливое изречение о греческой мудрости. Всего лишь незатейливый намёк? Каюсь, слукавил. Хорошо, пусть будет «шпилька».

Но я ведь действительно не виноват, что древние греки были очень мудры.

Возможно, в этом зале сначала я, потом незнакомец поочередно сделали попытку преодоления следующей ступени восприятия окружающего нас, пусть скучного, но нашего мира. И форма выбрана не нами – не мы диктуем условия Природе, не благодаря человеческим рукам, зерно дало росток, давший пищу диалектике. Допустим, форма – испытание, пройдя которое, мы решили предложенный нам экзамен. Не нами придумано, что от простого действия, именуемого смехом, рукой подать до необычайно великого, потрясающего умы и воображение землян... Или наоборот? Почему бы и нет? Смех – такая же могучая сила, как и сон, и наследие великого Баха...

Конец воспоминаниям – моя остановка. Выйдя из троллейбуса, глянул на солнце, уверенно катящееся по predetermined маршруту, но меняющемуся изо дня в день, на спящих озабоченных горожан, на далёкие заводские трубы, извергающие медленную смерть всему живому, на...

- Как все-таки хорошо, что мои родители подарили мне жизнь! Как хорошо, что не слушал чужих советов и не придерживался догмы!

Какой бы жизнью я не жил, но я живу, и это здорово!

НАТАЛЬЯ ГУСЕВА

Родилась и живет в г. Дзержинске. Окончила Новочеркасский политехнический институт. Работает преподавателем в горном техникуме. Стихи пишет с ранней юности. Член городской литературной студии «Муза». Публикуется в интернете, в городской газете «Дзержинский шахтёр».

ЧЕМ ПАХНЕТ ЛЮБОВЬ?

Чем пахнет любовь?
Может, летним рассветом,
Морскою волной и сирневым цветом.
Черникою вязкой и сладкой малиной,
И персиком нежным, зеленой долиной.
Чем пахнет любовь?

Может, зноем пустыни,
Слезой тоски и счастья лавиной.
Пожара огнем и холодом льда.
И розою алой, изумрудом листка.

Чем пахнет любовь?
Может, страстью при встрече,
Осеннею грустью, что ляжет на плечи.
Улыбкою нежной и солнечным светом.
Клубничкою красной, красивым сонетом.

Чем пахнет любовь?
Может, арбузом спелым,
Черешней налитой и ландышем белым.
Ночную фантазией, облаком серым.
И ответу я просто с открытой душою.
Чем пахнет любовь?

Она пахнет тобою!

В осенний хмурый вечер я вспомнила тебя
Ведь было же прекрасным и лето, и луна.
В мечтах все пролетело, что изменилось вмиг
И в грустном шуме ветра, и в тех словах твоих?

Что мне простить не смог ты, и я что не прощу,
Сказать об этом можно, а грусть отдать дождю.
Вернуть бы откровенность, а ложь нельзя простить.
Все стало очень сложным. И как теперь любить?

Мужчина – победитель, ты так всегда считал,
Наверно и сейчас ты победу одержал.
В вине не утопить тебе услады тех ночей.
А стало тебе легче от слабости моей?

Пусть дождь омоет раны, и в шелесте листвы
Я вновь хочу услышать заветные мечты.

Переверну страницу и вновь начну с нуля.
И продолжение будет с тобой иль без тебя?

ВЕРНУТЬСЯ ХОЧУ

Вернуться хочу на планету свою!
Я случайно сюда залетела.
Вернуться хочу на планету любви!
До меня никому здесь нет дела!

Вернуться хочу на планету свою!
Вот бы мне отыскать тот корабль.
Только тучи вокруг, очень тяжел
Кармы груз, привязанный сзади.

Вернуться хочу на планету любви,
Там тепло близких душ согревает.
Звонко птицы о счастье поют.
Серых дней совсем не бывает.

Вернуться хочу на планету любви!
Я во сне к ней уже возвращаюсь.
У сказки всегда чудесный финал.
По тропинке к причалу иду, улыбаясь.

ЗРЕЛЫЕ ВИШНИ

В июле созрели вновь вишни в саду,
Тропинкой незримой к тебе я приду.
Слова о любви буду тихо шептать,
Ответного чувства не нужно мне ждать.

И кто же рассудит, и кто виноват,
Что чувства и мысли как море бурлят,
Что вишня на вкус и кисла, и сладка...
Любовь или страсть? А, может, судьба?

И пусть разговоры, страдать буду я,
Ведь ты же женатый... А как же семья?
В любовь я, как в омут, опять упаду.
И будь все, что будет - к тебе я приду!

ТЕБЕ ЧЕКАЮ

Покинь, коханий сумніви свої.
Життя минає дуже швидко.
Здійсни ти сподівання всі мої
І повернись у рідні краї!

Тебе чекаю, мій коханий!
Ти так далеко, мій бажаний.
Я подумки завжди з тобою.
І ми зустрінемося весною!

Прийде весна та наша перша,
Яку чекали пів життя.
І ти повернешся до мене.
Як пісня краща з небуття.

І зацвіте наш первоцвіт,
В долині бажаних надій.
А ластівки пришлють привіт.
Ти - самий кращий, і ти – мій!

Як лагідного сонця промінець
В похмурий день засяй у вишині!
Чекаю. Любий мій, знайди
До мене шлях єдиний навесні!

ИННА ОЛАРЬ

Родилась в п. Новгородское г.Дзержинска 16.05.1953. В 1978 году окончила филологический факультет Донецкого государственного университета. Преподает в школе английский язык. Стаж педагогической работы – 39 лет. Стихи начала писать со школьной скамьи. Публиковалась в местных газетах: «Машиностроитель» и «Дзержинский шахтер». Является членом литературной студии «Муза».

СЛОВО К ВРАЧУ

Телефонный звонок...
И бессонная ночь...

Человек одинок,
Ему нужно помочь.
Ты готов ко всему,
Ведь минута порой
Человеку тому
Может стать роковой.
Скальпель острый, как меч,
И любую беду
Ты сумеешь пресечь,
Все решив на ходу.
И пускай не всегда
Ты любого спасешь,
Поспеши, коль беда,
Ты её отведешь.
Помни: люди тебя
Уважают и ждут.
Твои руки не зря
Золотыми зовут.

МОЙ ГОРОД

Город начинается с вокзала,
Станции автобусной кольцо...
Где-то рядом шумные кварталы,
Шахты – это города лицо.
Люди здесь с рабочей закалкой,
Сильной волей, сердцем золотым.
Террикон не именуют свалкой,
Маяком он служит молодым,
В школе дети пишут не «вагоны»,
«Вагонетки» пишут и «забой».
В семьях здесь шахтерские законы
Дед шахтер – и внук его тропой.
Здесь умеют радоваться встречам,
Как стихает весь рабочий гул...
Опускает крылья зимний вечер,
Чтоб Дзержинск немного отдохнул.

ДОМОЙ

Ещё вчера ты был солдатом,
Ещё вчера ходил в наряд.
Стоял в обнимку с автоматом
И писем ждал все дни подряд.
Сегодня песней журавлиной
Стучат колеса под тобой.
Ты слышишь в стуке их невинном
- Домой, домой, пора домой!
И ты, конечно, грусть немного
Под гимнастеркою хранишь
Друзьям армейским всю дорогу
Ты «до свиданья» говоришь.
И веришь, встреча состоится,
Пусть пройдут, промчат года
И служба будет тебе сниться,
Как будто ты солдат всегда.

УЛИЦА САДОВАЯ МОЯ!

Ах, улица родная
Садовая моя!
Тебя так обожаю
Уже полвека я!
С моею жизнью связана
Ты нитями времен,
И я тебе обязана
За детства милый сон.
Я школьницею юной
Шагала по тебе,
То солнечной, то лунной
Была в моей судьбе.
Мне с улицею детства
Вовек не разлучиться
Она – моё наследство

Мой сон, что еще снится.
По ней иду среди зимы
И осенью, и летом,
Дорожки все освещены
Воспоминанием света.
Я ими согреваюсь,
Прописка здесь весны,
Я с ней не разлучаюсь,
Друзьям здесь рады мы.
Хочу, чтоб расцветала
Вся улица моя,
Она не раз спасала
От горести меня.

РОДИНА

О тебе не скажешь в двух словах
О тебе рассказы есть и оды.
Я хочу в своих простых стихах,
Подчеркнуть: «Я вышла из народа».
Я люблю твои поля, леса,
Терриконов шапки синеватых,
Птиц люблю родные голоса
И твои рассветы, и закаты.
Ту тропу, что в школу привела,
Иву, что склонилась у дороги,
Ты меня, дивчину из села
На большую вывела дорогу.
Так спасибо, Родина, тебе
И поклон мой низкий и сердечный
Ты живёшь всегда в моей судьбе,
Ты всегда со мной навечно.

ДЗЕРЖИНСК

Родниковой водой
Умывать бы твои мостовые,
В ярком зареве роз
Всю поэму прочесть.
Терриконы вокрут,
Как твои постовые.
Говорю я: «Спасибо, Дзержинск,
Что на свете ты есть!
Ты печаль и отрада,
Боль моя и надежда,
Ты любовь и мечта,
Ты полет голубой.
Влюблена я в свой город шахтерский
навечно
Мне по жизни пройти
Его трудной тропой.
Под землею горят
Золотыми огнями.
У шахтеров Дзержинска
Молодые сердца.
Вереницей в забой,
Уголек добываем,
Та профессия вечна,
Ей не будет конца.
Еще только рассвет
Покрывало развеет,
И в шахтерской дали
Ковыли запоют.
Твои сильные руки,
Руки наших шахтеров,
Молот мощный шахтерский
Бороздой поведут!
Распевают пласты
Свои песни в глубинных просторах,
После смены ночной

Вновь приходит рассвет
Здравствуй, город Дзержинск,
Снова встреча с тобою
Снова город родной
В ожиданье побед!

РОДНОМУ ПОСЕЛКУ (НОВГОРОДСКОЕ)

Знаком здесь каждый дом
и перекресток тоже.
Здесь с детства все исхожены пути,
Он с каждым днем становятся моложе,
Дороже уголка на свете не найти.
Здесь детство босоное гоняло
Мне по тихой уголочке родной,
Со мною в юность улица шагала,
И так все время отчий дом со мной,
Поселок помнит раны боевые
И боль военную не сможет он забыть,
Друзья порой приходят фронтовые,
Чтобы у мест тех памятных побыть.

ВАЛЕНТИНА ПАЩЕНКО

Родилась в пос. Новгородское города Дзержинска. Медик по образованию. В 1970 году закончила медицинское училище. Работает медсестрой в детском саду. Поэзией увлекается со школьной скамьи. Занималась в литобъединении «Парус» при библиотеке ДК машиностроительного завода им. Петровского (пос. Новгородское). Является членом литературной студии «Муза». Публиковалась в газете «Остров» (г. Донецк), в сборнике «Встряска». Регулярно публикуется в местной газете «Дзержинский Шахтёр»

Коль придушит – ощущаю
Тяжесть прожитых мной лет,
А отпустит – вновь летаю,
Двадцати ещё мне нет!

Так по жизни и идём:
То вприпрыжку, то ползём...

Согрей моё сердце,
Утешь мою душу,
Меня назови ты
Самою лучшей,
Красивою самой –
И я ею буду,
И я ею стану.
Не так уж плоха я,
Прошу, пожалей.
Я вылью стихами
Боль сумрачных дней,
Беду переплавлю,
Как будто руду,
На встречу с собою
Я снова приду.
И буду я новой
И лучшею самой,
Твоею любимой
Снова я стану,
Взлечу в поднебесье
Парить в вышине,
И буду, как песня...
Коль нужна я тебе.

ПОЭЗИИ

Как странница эта пуглива,
Как поступь её своенравна,
Ко мне ли заглянет иль мимо,
Других увлекая коварно

И что в ней за прелесть таится,
Какая в ней мнится отрада?
Как будто из детства жар-птица
Перо уронила – я рада.

Я ПИШУ, КАК ЖИВУ...

Стройность звуков и ритм ударений,
Я пишу как живу, как дышу.
Не приемлет строфа возражений,
Словно плод, коль под сердцем ношу.

Не ложится в прокрустово ложе,
Ей свобода - родная сестра.
Пусть она ни на что не похожа,
Мир получит чуть больше добра.

Сердце бьётся легко и свободно,
И на улице скоро весна.
Я приветствую, Боже, свободу,
Мне она изначально дана.

Выбираю, меня выбирают,
О, какая случайность успеха!
Слава будто снежинка растает,
Прозвучит шаловливое ль эхо?

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ...

Что такое любовь? кто мне ответит...
Что такое любовь? Кто объяснит...
Это сладкая боль,
Это сладостный ветер,
Молодое вино, то, что в сердце бурлит.

Пусть ответная даже не снится
И ты, может быть, совершенно не прав,
Это лучше, в руке, чем синица,
Это больше, чем в небе журавль.

Я свободна как ветер,
Мне колёса к чему?!
Нежно солнышко светит,
Улыбаюсь ему.
Мне под ноги ложится
Шар земной не спеша,
И как будто бы птицей
Ликует душа.

СНІЖЕЧОК ВЕСНЯНИЙ...

Сніжечок весняний,
Сніжечок пухнастий,
Падай на біль моєї душі,
Може, і станеться,
Паросток щастя
З болі тієї та проросте.

Може, з печалі, що душу ятрить,
З туги тієї, що серце болить,
Присипана снігом,
Вколисана вітром,
Радість жадана до мене злетить.

Хай навіть травою,
Аби лиш з тобою,
Хай навіть затопчуть-зірвуть,

Аби лише быть,
Аби лише быть,
Щоб знову весною розквітнуть,
Хай навіть на мить,
Аби лише жить,
Аби лише жить...

Стоять собі два явори,
А між ними - вишня.
Любили два парубки,
За третього вийшла.

Грає доля, як на теє,
Парубки, дівчата.
Будеш ти бідная,
Чи, може, багата,

Багата, як казка,
На добро та гроші,
На любов та ласку,
На діток хороших.

Стелиться туман рікою,
Воду закриває.
Яка буде твоя доля,
То ніхто не знає.

СЕРГЕЙ СТРОПОРЕЗ (БОЛТЕНКОВ)

Родился 3 января 1946 года на хуторе Светлый Старобешевского района Сталинской области. С 1953 года живет в г. Дзержинске. В 1970 году окончил Дзержинский горный техникум. Более 28 лет проработал на шахтах города. Стихи начал писать с 1965 года, находясь в рядах Советской Армии. Многие годы является членом литературной студии «Муза». Публиковался в интернете и газете «Коммунист Донбасса», в местных газетах «Дзержинский уезд» и «Дзержинский шахтер».

ДОНЕЦКУ

Бульваром Пушкина иду, -

Знакомая скамья.

Парнишка с девушкой сидят, -

Мне кажется, что я.
И сердце сразу молодеет, -
Лет десять снял с души!
Весна, лужайка зеленеет, -
Садись, стихи пиши.
Вот после смены трудовой
Скорей спешат домой:
Забойщик, слесарь, ствольной
Веселою гурьбой.
Я сердцем юн, как ты, мой край,
С открытою душой.
Донецк! Цвети и процветай!
Любимый город мой!

Женщина! Красавица! Весна!
Обнимаю, ласково целую!
Лик твой светел и душа ясна,
Милая, любимая, люблю я!

Если нужно, в космос улечу,
Океан переплыву на веслах,
К образам венчальную свечу
Принесу! К тебе ведёт мой посох.

Мало и Вселенной для любви,
Мало места в необъятном мире.
Дорогая, милая прости!
Верен до конца своей я Лире.

Родной Донбасс – шумит ковыль!
Горчит полынью ветер усталый.
Второй уж век из лав твоих
Рекою льется уголь славный!
Гори, сияй копра звезда!
Проходка сильному лишь в пору!
Второй уж век (прошли года)
Шахтеры роют в недрах норы.
Я этот труд воспеть хочу
И пожелать им всем удачи!
Не первый год уж хлопочу
Добиться от пера отдачи!!!

Счастливо Вам трудиться, горняки!
Побед Вам в новых горизонтах!
На всю страну известны Ваши маяки,
Герои трудового фронта!!!

В центре города – детсад
Под названием «Сказка»,
Теремок и палисад –
Теплота и ласка.

Между елей и берез
Выросла рябина,
Красотою удалась
Будто хвост павлина!

Первый раз в первый класс
Витя шел с Иришкой.
Нёс цветы и нёс портфель
С новенькою книжкой –
Называется «Букварь» -
Все его читали.
Детство с теплотой своё
Мамы вспоминали.
Первый раз – в первый класс!
И звонок пел первый!
Здесь ты встретишься не раз
С другом самым верным!

В золоченых куполах
Отблеск солнца ясного!
Облака парят, парят
Вольно и прекрасно!
На Руси так повелось –
Громкие победы!
Сколько крови пролилось
Прадедов и дедов.
Русь – Великая Держава!
Отблеск куполов!
В них немеркнущая слава
Всех твоих сынов!
Перед боем помолиться
Маршал, генерал,
Рядовой, майор, полковник –
В один ряд стоял!
Крови пролито безмерно...
Неужели зря?
Но стоят в величье неизменном
Русские золотые купола!

АЛЕКСАНДР СУЩЕНКО

Родился 28 октября 1947 года в г. Днепропетровске. С 1956 года живет в п. Кирово г. Дзержинска. Образование среднее техническое. Более 20 лет проработал забойщиком. Стихи пишет с детства. Является членом литературной студии «Муза» г. Дзержинска. Публикуется в интернете и в газете «Дзержинский шахтер».

МАРТ

Свой концерт последний выюга,
Тужась, злобно задает,
Обнищалая подруга,
То в присядку, то вдруг влет.

Дед Мороз ее оставил –
Загуляла ночь без сна,

Уступать не хочет правил –
Ко двору пришла весна.

Утром звонкие капли
С небом спорят на лету,
Обнимая его в мели,
С крыши тают, как во рту.

Что та вьюга, что тот ветер,
Когда талые ручьи
Засверкали, как поэты,
Отражая все лучи.

ЖЕНЩИНА И АПРЕЛЬ

Глаз глубоких акварели,
Ласка губ без суеты –
Ты красивее в апреле,
Чем красивые цветы.

Цвет апрелем растворился,
В нем живет тобой весна –
Образ женщины стал мил всем,
Словно вырвался со сна.

МЫСЛИ

В тишине, сводя концы,
Паутиной мысли,
Как базарные купцы
Торгами зависли.

Быстрота неудержима,
Все роятся ульем,

Проскочить бы между ними,
Чтобы не вернулись.

Скачут, прыгают, летят,
Не одеть уздечку,
То стираются до пят,
То текут, как речка.

Проскочила между пальцев
Тонкой паутиной,
Жизнь натянута на пяльца,
Превратившись в тину.

ПАМЯТЬ

Давно закончена война –
Со звуком громкого раската,
Бокал победного вина
Испит за раны у солдата.
Весна цвела, как и сейчас,
Кружила слава в пухе белом,
Винтовка брошена с плеча,
И под собой не слышно тела.
Как было все недавно и давно.
Душа болит у старого солдата.
Сейчас, то с горечью вино,
Что было сладким в сорок пятом.

ВЕСНА

Лаской обогретая,
Чувствами ухожена,
Хоть пока раздетая,
Но уже возможная.
Скоро, скоро милая

Зиму развенчаешь,
Реками-разливами,
Мелкими ручьями.
Ты красива ранняя,
Со слезой проточливой,
Созываешь странников,
С юга птиц заботливо.
Тянут к тебе руки
Красота и свежесть,
После зимней скуки,
Ощущая нежность.
Легендою овеяна,
Вся соткана в букет,
Радугою веером
Хранишь в себе секрет.

ЖЕНЕ

Подари мне счастье,
Подари любовь,
Полюби со страстью,
Чтоб пылала кровь.
Сказка бесконечная,
Ты мой ад и рай,
Юность моя вечная,

Жизни моей край.
Ты раскроешь заново
Свой волшебный мир,
От любви вся пьяная
Женщина-кумир.

МАТИ

Нема про що, про що сказати,
Одні навколо балачки,
І гомін стих пустої хати,
Немов засохли всі річки.

Таке трапляється в житті,
Коли гніздо у порожнечі,
І син від матері злетів
І залетів кудись в далечінь.

Вона вся в спогадах сидить,
Сидить, старенька, біля хати,
Нема кому води налить,
Синів чекає своїх мати.

ЛАРИСА ФИРСОВА

Родилась в 1939 г. Живёт в г. Дзержинске. Закончила Тульский государственный институт им. Л.Н.Толстого. По профессии педагог. Педагогический стаж - 37 лет. Работала в школах, вела кружки юных корреспондентов. Пишет стихи и прозу. С 2011 года является членом литературной студии «Муза» г. Дзержинска. Печатается в местной газете «Дзержинский шахтер».

СЕРДЕЧНЫЕ ДЕЛА

На крылечке бабушки
Рядышком сидели,
А потом знакомые
Песенки запели.

Про березу белую,
Тонкую рябинушку,
Ивушку зеленую,
Судьбу обделенную.

Где вы, деды-молодцы,
Ныне подевались,
Вековухами теперь
Мы без вас остались.

Что нам делать-то самим?
Подите, догадайтесь,
И под руку нам, смотрите,
Ох, не попадайтесь.

На завалинке сидел
Очень старый древний дед,
Бормотал себе под нос:
«Черт вас, старые, принес.

Ишь, беззубые старухи,
Видно нет на вас прорухи,
Захотели стариков
За под семьдесят годков».

И подумал: «Наряжусь-ка,
Гордым селезнем пройдуся,
И спрошу исподтишка:
«Заберете женишка?»

РАНА НА СЕРДЦЕ

Как только ребенок начинает понимать то, что окружает его, с кем он общается, кто для него самый близкий, самые яркие впечатления отпечатываются потом на всю их жизнь. Так и детство мое начиналось с самых страшных моментов в жизни, в годы самой жестокой кровопролитной войны.

У моих родителей было шестеро детей, мал-мала меньше. Самой старшей сестре было 8 лет, когда в наш дом пришла беда. С самого начала войны отца забрали на фронт. Мама осталась одна с кучей детей, которых надо было обогреть, накормить, спасти от голода и болезней. После ухода отца на фронт родилась Антонина, а в городе уже повсюду хозяйничали фашисты. Мать часто отлучалась из дома в поисках продуктов питания, ходила на рынок, обменивала на хлеб и крупу все, что можно было обменять. И в этот злосчастный день она долго не возвращалась. Мы же всей гурьбой согревались на кровати, прикрывшись грудой тряпья. Старшая сестра укачивала самую младшенькую. Двери мы никогда не закрывали – не принято как-то было, да и соседи присматривали за нами, когда уходила мать.

Вдруг с грохотом распахнулась дверь, и в комнату ввалилась группа мужчин в военной форме. Они о чем-то громко разговаривали на непонятном нам языке. Один из них, видимо самый главный, подошел к кровати и что-то резко приказал солдату. Тот отдал честь под козырек, не спеша подошел к нам и осторожно взял нашу Антонину из рук онемевшей от испуга девочки и встал позади всех.

Мы со страхом наблюдали и ждали, кто же будет следующий из нас? Но эти изверги, не обращая на нас больше внимания, под стук кованых сапог вышли из комнаты. И только через некоторое время мы стали осознавать, какая беда пришла к нам в дом – так быстро все произошло.

Когда мама пришла домой, мы всей оравой бросились к ней и с плачем стали рассказывать, что произошло. Мама без сознания повалилась на пол, а мы еще пуще разревелись и побежали звать соседей.

Те кое-как привели в чувство убитую горем мать и успокоили нас. Мать же с соседкой поплелась во двор и там в куче опилок рассмотрели торчащие детские ножки. Трудно описать, что было потом. Похоронили малютку, и после этого свою маму перестали узнавать. На детей она не хотела обращать внимание, и старшая сестра стала нам и матерью и нянькой. Мать же занималась какими-то странными делами, нашла тряпки, и, не переставая обливаться слезами, шила что-то непонятное. И вот на подоконнике окна мы увидели тряпичную куклу почти в рост с погибшей Антониной. И перед этой куклой сидела с окаменевшим лицом мать и что-то тихо шептала. Прислушавшись к ее

словам мы поняли, что она разговаривает со своей куклой-дочерью, как с живой: «Доченька, как получилось, что я тебя не уберегла. Но теперь ты живая и я тебя сейчас покормлю». С этими словами она вынула грудь и стала прикладывать ее к лицу куклы... Потом взяла ее и стала укачивать. Мы, пораженные ее таким поведением стали понимать, что наша мамочка начинает сходить с ума. Старшая сестра решила обратиться за помощью к соседям. Вот уже двое суток мать не выпускала из рук тряпичную куклу, считая ее своей ожившей дочерью.

Одна из пришедших соседок тихо подошла к несчастной и, взяв осторожно из ее рук куклу, сказала: «Ты иди приляг, а я пойду с малышкой погуляю» и ушла. Вскоре она вернулась и стала заботливо ухаживать за больной. Еще неделю мать не воспринимала, что в действительности произошло, но постепенно она нашла в себе силы с постигшей ее утратой.

После этого случая дети поняли, что такое война, кто такие враги, что такое насилие и жестокость.

Мама нас потом научила молиться, для того, чтоб отец вернулся здоровым, чтоб война быстрее закончилась, чтоб врагов наших, фрицев, прогнали, чтоб народ победил, и дети никогда бы не знали, что такое война, которая приносит смерть, слезы, горе, ненависть.

Вот, какие раны нанесли пришедшие на нашу землю завоеватели нашим маленьким детским сердечкам. Этого позабыть нельзя.

НЕ УМИРАЙ, МАМА!

Женщина была настолько полной, что мне показалось, что это был какой-то истукан или Будда. Она сидела на кровати, которая буквально прогибалась под массой ее тела. А лицо – это была просто улыбающаяся маска, бледное, с жирным подбородком, с потухшим блеском в глазах, с бесцветными волосами. А на этой маске – широкая улыбка, которая излучала такую доброту, такое на ней было всепрощающее выражение, что невольно я почувствовала расположение к этой несчастной, доброй душе. Еще совсем молодая (где-то под 40 лет), она была прикована к месту ее вечного проживания. Ей отказали ноги. Эти тумбы тянули ее к земле, как бы говоря «Мы хотим ходить, мы хотим двигаться». Но – увы. Видно, это было не

суждено. Семья распалась, когда муж узнал о ее неизлечимой болезни. Осталась одна с двумя сыновьями. Вся деревня помогала брошенной больной женщине всем, чем могли.

Но особенно меня поразили ее дети. Мальчики учились в школе: один – в пятом классе, другой – в седьмом. Все по дому делали они: и стирали на всю семью, и дрова заготавливали на зиму, и еду готовили. А с какой нежностью они относились к своей матери, особенно младший Коля. Он так и увивался вокруг нее: то подушки поправит, то уговаривает ее покушать, то смазывает ей ноги лекарством, бегаёт то за водой, то за дровами, то суетится возле печки. И с таким удовольствием это делал, поглядывая на мать, которая одобрительно кивала ему головой. И часто я наблюдала, как гордилась она своими детьми, как увлажнялись ее глаза, и как она улыбалась, но так трогательно, так виновато, что до боли в сердце было жалко ее, и хотелось верить, что болезнь ее временная, что она обязательно встанет на ноги.

Какие только народные средства не использовали для ее лечения. Кто-то посоветовал сварить живого ежика, потом больной съесть его мяса, а жиром смазывать ноги, но только чтобы мама не знала. Дети решили так и сделать. Каждый день они караулили дикого зверька. Где-то дня через четыре они принесли ежа и стали готовить снадобье, при этом вздыхая и шмыгая носами – уж очень жалко было этого безобидного зверька. Но здоровье мамы для них было важнее всего. И вот каждый день они кормили маму и лечили ее ноги. Та, не догадываясь ни о чем, нехотя съедала все, что ей давали, зная, что упрямые дети настоят на своем. Они же, видя свою неунывающую мать, верили, что их заботами мама поправит свой недуг. Но когда ребята были в школе, эта стойкая женщина давала волю своим чувствам, горько плакала, и сердце ее обливалось кровью, глядя на сыновей, зная, что это она обрекла своих кровинушек на такое безрадостное детство. А как она стыдилась, когда дети убирали за ней судно и страдала от своей немощи и беспомощности. Изо всех сил старалась она, чтобы дети не видели всю безысходность ее такой короткой жизни, и поэтому улыбалась, и эта маска спасала ее от самой себя.

Умерла она где-то года через два. С кем остались дети, неизвестно, но я твердо знаю, что эти ребята обязательно вырастут настоящими мужчинами, которые никогда не поднимут руку на женщину, никогда не обидят ребенка, пожалеют стариков, протянут руку помощи

другу. В их сердцах всегда будут царить любовь, уважение, милосердие, всепрощение и порядочность.

Как бы хотелось привить такие качества нашим детям, а не воспитывать их на фильмах ужасов, боевиках, интимных связях. Ведь это приводит к тому, что наши дети становятся равнодушными, жестокими, безответственными и не верящими в добро, справедливость, честность и порядочность.

МАЛЕНЬКАЯ ПРЕСТУПНИЦА (послевоенные воспоминания)

Мама шьет своими руками сумочку для школьных принадлежностей. Девочка смотрит на ее сосредоточенное лицо и думает: «Маму нельзя отвлекать пустыми разговорами». Но так хочется прижаться к ней своим худеньким тельцем, почувствовать прикосновение теплой маминой руки. Но у мамочки другие заботы – пятеро детей, которых надо накормить, обстирать, сберечь от болезней – тут уже не до нежностей.

Но вот сумочка дошита: серенькая, с ляжкой через плечо и с карманчиком для чернильницы. В сумочке поместится все для будущей первоклассницы. Никогда не забыть свою первую учительницу. Боже, какая красавица эта Нина Иосифовна! Молодая, стройная, с белым воротничком, в синем стройном платье – ну просто не оторвать глаз. Каждое ее слово, взгляд впитывались как вода в губку. В классе муха не пролетит.

И все же у девочки учение ну никак не удавалось – сплошные неудачи. Из школы девочка под грузом своих плохих отметок еле плелась. Ну как показаться на глаза маме, которая посмотрит на незадачливую ученицу и горестно вздохнет: опять двойка. И станет ее жалко до слез, которые крупными каплями покатаются по искривившемуся в плаче лицу.

Ох, как это стыдно и мучительно переживать такие минуты. Нет, уж лучше избежать всего этого, и девочка решительно шагает по направлению к парку. Там стоят огромные деревья, и растут небольшие кустарники. Опасливо оглядываясь по сторонам, горе-ученица подходит к густой зелени кустов и начинает отгребать опавшую листву. Ямка готова. Достав из сумки тетрадки, маленькая преступница вырывает из

них страницы с двойками и закапывает их, засыпав сухой листвой. Никто, никогда не найдет ее тайник, который не раз ей пригодится.

Долго мама не догадывалась о проделках своей дочери, пока учительница не вызвала ее в школу. Но вспоминать об этой истории у девочки нет никакого желания.

Чтобы как-то исправить положение и реабилитироваться в глазах взрослых, решила первоклашка сделать подарок своей любимой учительнице. Достав учебник «Родная речь», она нашла страницу с портретом вождя и стала раскрашивать его цветными карандашами. Ну, до чего красив стал портрет Сталина, разукрашенный всеми цветами радуги. Вырвав страницу, довольная собой, художница преподнесла свое творенье Нине Иосифовне. Лицо у той мгновенно побледнело, потом покрылось красными пятнами. Схватив шедевр своей ученицы, она вихрем помчалась в учительскую.

И началось. Первоклашку вызвали на допрос: кто тебе посоветовал издеваться над вождем, что о нем говорили в вашей семье, чем занимаются родители? Что лепетала девочка в ответ, она не запомнила. Но когда пришла на квартиру милиция, тут уже струсила не только малышка, но и родители. Слово «обыск» ошеломило всех. Долго вся семья зябла в коридоре, пока проводился досмотр. В квартире было как после погрома, но ничего противозаконного не нашли. Все постепенно утряслось, а у виновницы этого переполоха это событие отпечаталось на всю жизнь.

АЛЕКСАНДР ЧИНЕНОВ

Родился в г. Дзержинск Донецкой области в 1966 году в рабочей семье. В 1989 году закончил исторический факультет Донецкого Государственного университета. По профессии – историк-преподаватель. Пишет стихи и прозу. Является членом литературной студии «Муза» г. Дзержинска. Публикуется в газете «Дзержинский шахтер».

ПАМЯТИ ДРУГА

Полу-Гамлет ты был
Также полу-Челкаш,
Хоть и пылок,
Но в тонких

Вопросах несмелый.
Умер Митька Макеевский,
Сказочник наш.
И фамилию ты
Носил чистую –
Белый.

ПЕВЦУ И КОМПОЗИТОРУ А. ДНЕПРОВУ

Частенько он в дороге, а не дома.
Влекут его другие города.
И с ним тогда в бутылочке от рома
Простая черноморская вода.

Так пусть всегда для нас поёт куплеты
И вечно будет весел и здоров
(И кушает по-киевски котлеты)
Певец и композитор А.Днепров.

ЖУРАВЛИ

Через океан
сквозь густой туман
Журавли по небу пролетают.
Где их ждет, друзья,
Новая земля.
Птицы это сердцем ощущают.

Как у журавлей,
Так не у людей:
Путь, порою, наш во мраке, ночью.

В розовый туман
Прячется обман.
К цели мы стремимся в одиночку.

Надо мной кружась,
Стая пронеслась
(С журавлями юность промелькнула),
След их в облаках
Замела пурга
Зимним сном повсюду жизнь уснула.

МІЙ КРАЙ

Моя маленька Батьківщина -
Край працелюбних гірників,
Довічно юний, мов дівчина,
Що здобувають вогнедайний,
Чарівний камінь з під землі.
Шляхетніших, ніж княжич,
Могутніших, ніж королі.

ПАМ'ЯТІ Г. ТЮТЮННИКА

Пішов Шукшин у калинові сни,
Висоцького відплакала Таганка.
Та долі недостатньо і війни.
Така вона, нецира, мов циганка.
Тютюнника ущух навіки сміх...
Навіщо він покинув нас усіх?

СВЕТЛАНА ШЕМЯКИНА

Родилась на Украине. Живёт в г. Дзержинске. Имеет два высших образования: техническое и экономическое. Работает в городском финансовом управлении. С 2010 года посещает городскую литературную студию «Муза». Публиковалась в периодике, в сборнике «Встряска», в альманахе «Восхождение» (Горловка), в литературно-художественных журналах «Пять стихий» (Горловка) и «Три желания» (Россия, Рязань), в сборниках проекта «БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ» (Россия, Москва).

АВГУСТ, ПАДАЮТ ЗВЕЗДЫ

Август. Падают звезды медленно в небе ночном.
Лето уходит. Осень молча стоит за окном.
Будто прощаясь, ясьень в руки сыпает листву.
Тихо Аврора плачет, слезы роняя в траву.

В небо подняться солнце, видно, совсем не спешит,
Лучик его осторожно верхушками сосен бежит.
Где-то камыш вздыхает... Слышу его в тишине.
Рыба, в пруду играя, рисует круги на воде.

Утро свежо и прохладно снова меня бодрит.
Лес в ожидании чуда тайну свою хранит.
В пряном дурмане травы... Запахи сводят с ума.
Знаю, что скоро-скоро грянет седая зима.

Будут метели и вьюги в танцах своих кружиться,
Снег покрывалом белым станет на землю ложиться...
Ну, а пока, только август машет, прощаясь, крылом.
Лето уходит... И снова осень стоит за окном.

МНЕ НЕ СТРАШЕН ДОЖДЬ...

Вот и прослезилась осень золотая...
У окна стою я, с грустью вспоминая,
Как гуляли в парке, радуясь, мы встрече,
И свою нам песню пел дождливый вечер:
"Мне не страшен дождь! Я из той породы,
Что может быть лучше плохой погоды!"*

Спорить с ним не буду, знаю без сомненья,
Что такое осень. Это - вдохновенье!
В ней любимы мною и дожди, и ветры,
Дни в сиянье солнца, алые рассветы,
Туч свинцовых просинь, первые морозы,
И под снегом в злате белые березы...

Вновь люблюсь танцем падающих листьев.
Вот они кружатся вихрем в вальсе быстром.
Но сомкнулись тучи! Дождь к земле их гонит!
Листья что-то шепчут и о чём-то молят...
Может быть, жалеют об ушедшем лете?
Не узнать ответа на вопросы эти.

Я не замечаю в осень непогоды.
Это, знаю точно, - таинство природы!

И когда стучится дождь, стекая с крыши,
Будто голос снова я далекий слышу:
"Нам не страшен дождь! Мы из той породы,
Что может быть лучше плохой погоды!"

**"Мне не страшен дождь! Я из той породы, Что может быть лучше плохой погоды!" – это строки, из песенки, прозвучавшей в кинофильме о болгарском разведчике, который демонстрировался в кинотеатрах в конце 70-х годов прошлого века.*

ПОД КРОНАМИ СОСЕН...

Под кронами сосен беспечно
Проносится время, и Вечность
Своей неразгаданной тайной
Уносит меня неслучайно
В прошедшие юностью дали,
Где верили мы и мечтали,
Где ждали, страдали, любили
И всё-таки счастливы были.

Под кронами сосен беспечно
Мне вновь улыбается Вечность!
Сокрыв свою тайну до срока,
Уносит в иной мир далёкий -
В страну неизведанных далей
(о них лишь душа моя знает).
Надеюсь, печаль там забуду
И, может быть, счастлива буду...

Под кронами сосен беспечно
Над временем
властвует
Вечность...

СТЕПЬ КОВЫЛЬНАЯ...

Степь ковыльная! Степь раздольная!
Ты влечёшь меня песней вольною,

Широтой границ необъятною,
Синевой небес благодатною.

Разнотравья шёлк – тело нежится,
Аромат пьянит – сердце тешится.
Улыбаюсь я солнцу красному,
Удивляюсь я утру праздному.

Среди трав-цветов расстелю постель.
Убаюкает ветер семь страстей,
Позабудет боль и печаль душа,
Унесётся ввысь, узы тьмы круша.

Степь ковыльная! Степь раздольная!
Ты влечёшь меня волей вольною,
Недоступною глубиной небес,
Неразгаданной красотой чудес...

МЕНЯ МАНИЛА ВАША ЛИРА...

Ф.И. Тютчеву

Я в мир поэзии входила
На звук чарующей кифары*.
Меня прельщала Ваша Лира -
Изыскано манили чары.

Завороженная внимала
Её пленительным напевам,
Усталость, как рукой, снимало -
Бальзамом будто сердце грело.

Всё, что со мной происходило,
И то, что мучило годами,
Когда-то сами пережили,
И описали Вы стихами.

Я также с грустью замечала,
Что за добро добром не взыщешь,
Как феникс, душу возрождала
На месте, ставшем пепелищем.

Во мне «Две силы роковые...»,
«Всесилен я...», «Молчанье», «Вечер»,
«Душа хотела б...», о России... –
Казалось мне, звучали вечно.

Я Вам всем сердцем благодарна
За мир лирических сюжетов,
В котором Муза – лучезарна
В союзе с лучшим из поэтов.

НЕ ГОВОРИ МНЕ О ЛЮБВИ...

Не говори мне о любви, -
Слова давно затёрли люди.
Ты лучше ночь мне подари
И звёзд сиянье в свете лунном.

Не говори мне о любви,
Слова ведь ничего не стоят.
Ты мне рассветы подари
Те, что встречали на Осколе.

Не говори мне о любви,
Она не терпит фразы громкой.
Ты лучше лес мне подари, -
Вдали синеет тонкой кромкой.

Не говори мне о любви.
Красивых слов на свете много,
Но в жизни главными они
Бывают лишь совсем недолго.

Не говори мне о любви.
Что есть слова?.. Пустые звуки!
Когда споткнусь я на пути,
Ты протяни на помощь руки.

Когда же станет тяжело
Тебе идти дорогой жизни,
Подставлю я своё плечо, -
Нам вместе легче будет выжить.

Ты промолчи мне о любви...
Глаза – в глаза... Одно дыханье...
Когда горит огонь в груди,
Душа сама шепнёт признание.

Не надо слов... не говори...
Пусть в тишине сердца сольются
И в унисон самой Любви
Пусть навсегда они забудутся!

ФАНТАЗИИ...

Фантазии ума... Они - непостижимы.
Заманчивы весьма бывают их вершины...

Фантазии ума уводят в зазеркалье,
В прошедшие века, по кругу и спирали.

Фантазией ума придумываем лица,
Забутые миры, затёртые страницы.

Фантазией ума пытаемся понять мы
Значение добра у нашей демократии...

Фантазии ума... Их лабиринтов сила
Степенно иногда в тупик нас заводила.

Фантазии ума – непознанные грани...
Исписаны тома... А Правду не poznали...

Что, горе от ума - давно уже не новость.
Всё чаще прavit тьма... и множит свою поросль.

Фантазии ума с надеждой устремляли
Мы в поисках Любви в заоблачные дали.

Фантазии ума доводят до абсурда...
А, может, и права фантазия рассудка...

ЧЕРТОПОЛОХ

Из полевых цветов букет - палитра акварели!
Собрав его, я шёл домой. Цикады звонко пели.

Стоял в зените летний зной – источник духоты,
И я искал по сторонам ручей живой воды.

Мой взор привлёк татарин-цвет - малиновый репей.
Решил: «Букет украсит он - любимец всех степеней».

Сойдя в канаву (там, как раз, внизу, ручей журчал),
Я вдруг увидел, что в цветке мохнатый шмель дремал.

Бедняга-шмель совсем не знал, что подойдя тайком,
Стогну бездушно я его в погоне за цветком.

Сорвать репейник нелегко, заметить смею я,
В колючках с головы до пят, поверьте, он - не зря.

Минут пятнадцать воевал – весь стебель истребал
И руки исцарапал в кровь, но я его сорвал!

Трофей малиновый поднёс торжественно к цветам
И вдруг заметил то, чего не сразу понял сам:

Аляповатый мой репей был словно исполин,
И в композиции цветов он выглядел смешным...

И тут-то пелена сошла -
ведь он Чертополох!
И мук Христовых символ он!.. А я убил цветок...

Мне стало жаль его: «Зачем бесчувственно сорвал?
В нём шмель нашёл себе приют и мирно отдыхал,

В степи стоял, среди иных, торжественно красив
И всею щедростью души целебный мёд хранил»...

Водой прохладной утолив, я жажду из ручья,
Побрёл домой.... А мой букет не радовал меня...

БЫВАЮТ ДНИ...

Бывает день за днём без сна
Мелькают сутки напролёт,
Когда от слёз болят глаза,
И страх внутри на сердце жмёт.

И день, и ночь душа трепещет.
И день, и ночь сомнений рой,
Как пчёлы, жалит и зловеще
Всё отравляет разум мой.

Как хочется в минуты эти
Оставить боль и прочь уйти,
(забыв про всё и вся на свете!),
Туда, где свет, покой и мир.

То, скажешь, слабости порывы.
Не буду спорить. Может быть...
Но где взять мудрости и силы,
Чтоб горечь бед всех пережить?

Молитва, слышу я, поможет
И покаяние. Может быть...

Но что так день и ночь тревожит
И не даёт спокойно жить?..

...О, дай же силы для смиренья
И Духом укрепи Своим,
Предай печаль мою забвенью,
От чёрной бездны отведи.

Не дай погибнуть от соблазна,
Оставив крест на полпути.
Терпенья дай! Тебе подвластно -
Мне дать смиренно всё пройти...

...Бывает, дни летят без сна...
Душа в смятении что-то ждёт...
Стихи... Молитва... Тишина...
И вновь она мечтой живёт!

ВО МНЕ ЖИВУТ ДВЕ ПОЛОВИНЫ

Моим сыновьям посвящается

Во мне живут две половины,
Как день и ночь, как тьма и свет...
На жизнь и смерть борьба меж ними,
И от того покоя нет.

Одна влечёт туда, где страсти
Бушуют словно ураган.
Там деньги правят миром, власти
Поклоны бьют златым тельцам.

Там продают без сожалений
И честь, и совесть, и любовь.
Там души разных поколений
В разврате гибнут вновь и вновь.

Там суета сует. Там каждый
Мечтает вмиг разбогатеть
Иль, преступив черту, однажды
В карьерном росте преуспеть...

Другая, возражая смело:
«Ничто не ново под луной, -
Мне говорит, - на свете белом
Есть мир, где правит Дух иной.

Для зависти там нету места,
Гордыня – самый злейший враг!
От гнева откажись и мести,
Любви навстречу сделай шаг.

Смиренье – лучшее лекарство,
И воздержание во всём!
Великодушие – вот богатство,
Что вводит всех нас в Божий дом.

Предай забвенью лицемерье,
Всегда везде собою будь,
Часы молитв и откровений
К спасению проложат путь.

Скажу, что нелегко в дороге
Нам будет, ты имей в виду,
Пожертвовать придётся многим
На счастье, знай, не на беду!»...

...Как отказаться от соблазна
Своё мне чрево не жалеть,
Гордыне, гневу не поддаться
И завистью не заболеть?..

Так и живу: ни дня покоя...
Две половины, что во мне,

И днём, и ночью вечно спорят
О Правде жизни на земле.

И лишь душа Небесной Силы,
Что от рождения дана,
Ведёт меня дорогой дивной
В мир, где звучат колокола.

В ХРАМЕ

Гонимая тоской неумолимой,
Спешу я в храм под своды куполов,
Где песнь звучит святая Херувимов,
И для Христа готов уже престол.

Прося пощады у Небесной Силы
За все грехи, что мучают меня,
Зажгу свечу – бескровной жертвы символ, -
Остановившись вновь у алтаря...

...И плавилась свеча, в руке сгорая,
Стекала воском, прочь гнала тоску,
Теплом своим молитву согревая,
Что мыслями летела к алтарю.

Омытая слезами, возрождалась
Душа моя, нашедшая покой.
И мне легко и радостно вдруг стало –
Господь мой рядом. Всюду! Он - со мной!

ВОПРОС

*«Когда же продолжали спрашивать Его, Он,
восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый
брось на нее камень.» (Ин.8,7)*

На двух скрижалях дал Он нам
Закон лишь в десять строк,
Такой простой, на первый взгляд...
А кто исполнить смог?

НАША

СМЕНА

МИХАИЛ МАЛЯРОВ

Родился 13.11.1985 в г. Дзержинске. Учится в Донецком национальном университете на историческом факультете. Пишет стихи. Печатается в интернете и местной газете «Дзержинский шахтер». С 2011 года является членом литературной студии «Муза».

МОЯ ЛЮБОВЬ

Десятый год, одиннадцатый день июня
Сияет светом ярким в ряде мрачных дней
Лишь он хранит воспоминания о ней,
В него я снова возвращаюсь и горюю.

Но кто же знал, что всё изменится вот так,
И что проснешься завтра ты совсем другая.

Идя домой, сиял, прохожих освещая,
А за спиною руки потирал мой враг.

О, языки словоохотливых соседей,
И сколько чистых душ, загубленных на вас.
За что? За что так ополчились вы на нас?
Зачем любовь вы очерняете в беседе?

Нет, не прошла с тех пор моя любовь к тебе
Но не желанна, не тебя уже люблю я.
А ту, с которой попрощался поцелуем,
Чей светлый образ ночью я унёс в себе

ЕСТЬ МАМЫ ВЗГЛЯД, ТАК ЛЮБЯЩИЙ ТЕБЯ...

Считаешь неудачником себя?..
Ведь ты родился, в том уже победа!
И пусть твой крик не слышала планета,
Есть мамы взгляд, так любящий тебя.

Бывает, ненароком обижаешь,
Когда, так в жизни, что-то допекло,
Но остываешь, преклонив чело,
И голову в колени ей склоняешь.

Когда любовь нагрянет, ты считаешь -
Сильнее чувства на планете нет.
Смолкает эйфория... чушь и бред...
И в маминых руках, как воск, растаешь.

ТВОРЦЫ ПОБЕДЫ

Творцы победы, сыновья Отчизны,
Участники военных драм,
Свободный мир обязан вам,
За нашу жизнь вы отдавали жизни.

Не только в битвах на полях сраженья
Противнику отпор был дан,
Завод, рудник, колхозный стан
Несли родной земле освобожденье.

Планеты выжженной года лихие
Нельзя забвению предать.
Не удалось завоевать
Фашизму мир огнём стихии.

Вовек не забывать военной славы,
Салюта залп в победный час-
Таков потомкам ваш наказ!
Мы – мирные напишем главы.

ЛЮБИМОЙ

Печаль и нежность – чувства рядом
В твоих серебряных глазах,
Я раньше видел их во снах,
Теперь и явь встречает взглядом.

Как долго мне пришлось идти
Сквозь дебри ссор, непониманий,
Но как ответ на ряд стенований,
Передо мной явилась ты.

ВРЕМЯ

Вид с космоса- планета, как на пляже
Вращаясь, греет, нежа телеса,
Струится свет, пронзая небеса,
Земля кружится в сумасшедшем раже.

Земная ось - огромные качели
На полюсах, меняя зиму с летом,

Кусками сутки режет ярким светом,
Тенями, обрамляя параллели.

Плохое мягким ластиком стираем,
Невзгоды и потери – глушит время.
Забвение лишь облегчает бремя,
В пути конец, которого не знаем.

СТРАНА, КОТОРОЙ И НА КАРТЕ НЕТ...

Страна, которой и на карте нет,
Довлеть над нами всеми продолжает,
Экс - сателлитам жуткий страх внушает
Воспоминаньями тех грозных лет.

Но поднялась, воспрянув из руин
Империя, наследница империй,
Страна лесов и азиатских прерий,
Оригиналов с Шишкина картин.

Могучая держава путь прошла
От плуга до высоких технологий,
Не требуя излишних аналогий,
Шла к коммунизму и мечтой жила.

ЗА СЛОВОМ СЛОВО...

Писатель открывает новый мир
Пером в строке в моменты откровенья,
Ему покажет только озаренье,
Герой или злодей его кумир.

Луи лукавый, храбрый Рескатор,
Раскольников – убийца и старуха,
И комиссар Катани – жертва спрута,
Велик для дум писательских простор.

За словом слово он рождает жизнь
И за героем вслед тебя уводит,
Тропой неведомою колобродит
Через десятки многоликих призм.

ИСТОРИЯ ЛЮБОВНЫХ ЧУВСТВ

История любовных чувств,
Ты так прекрасна и печальна,
В любовь не веря изначально
Проникся высшим из искусств.

Любовь нагрянула внезапно,
Стрелой пронзила сердце вмиг.
Весь мир вокруг меня притих
От музыки душе приятной.

Уж сотню раз спросить успел,
За грех такое наказанье?
Твое услышав оправданье,
В сто первый песнь любви запел.

Невзгодам, бедам вопреки
Бреду тропой неровной к цели,
На звуки соловьиной трели
На силуэт, тепло руки.

Ты – ангелоподобный дар
Со вкусом сладкого вина,
Ты у меня - любовь одна,
Неугасимый сердца жар.

ЧУЖАЯ СВАДЬБА

Гуляют все на свадьбе друга,
Лишь я топлю слезу в вине.

В бокале много их на дне,
И след любви закрыла вьюга.

На миг дрожащий взгляд ловлю,
И взглядом отвечаю только.
Как все, подхватываю «горько»,
За счастье молодых я пью.

Твои черты хочу забыть.
Твой образ – на пути преграда,
Мне наказание иль награда,
Как дальше без тебя мне жить?

ТАЙНЫ БЫТИЯ

Пусть Вавилон ещё лежит в песках,
Но скоро миг настанет, и восстанут,
Страхнув пески постылые, воспрянут
Те стены, что внушали долго страх.

Роскошный город средь седых холмов,
Деяньями своими столь великий,
Потомками вовеки не забытый,
Пробудится от летаргии снов.

Низвергнув гребень холода волны,
Свой блеск проявит гордо Атлантида
Под сводами дворцов кариатиды,
Где взоры статуй тайнами полны.

Накрытая жестокою пучиной,
Страна лежит окутанная морем,
Атланты там, поверженные горем:
Чем заслужили вечную кручину?

Сто тысяч тайн земного бытия
Планета для достойных открывает.
Судьба иль провидение кто знает...
В скрижали впишет эти имена.

УХОДИШЬ, УХОДИ

Уходишь, уходи и не смотри назад,
Прошедшему ты дань отдал уходом.
Былое вспоминая год за годом,
Поверь, сегодняшнему дню не будешь рад.

ЯРОСЛАВ СЛУЦКИЙ

Родился 9 августа 1990 года в п. Новгородское г.Дзержинск. Учится в Славянском педагогическом университете. Будущий филолог. Пишет прозу. Публикуется в газетах «Дзержинский шахтер», «Вести» (г. Славянск)

ВИНОГРАД

На самом краю деревни, где уже заканчиваются дома, а вместе с ними и ежедневные хлопоты, растет дикий виноград. Если бы он вырос у кого-нибудь в саду, не пожалели бы его, вырубili. Нечего, мол, сорняками землю забивать. А так растет он себе совершенно безнаказанно. Много лет уж растет. Расстелились длинные стебли по земле, укутали ее мягким и светло-зеленым ковром. Но укутали не только землю, но и рядом стоящие деревья. Настоящий хищник, а не виноград. Укрыл плотным куполом березки и не пропускает к ним солнце. А сам пышный стал, гордый. К концу лета и плоды поспели.

Огромные, просто таки отборные гроздья винограда свисали с тонких стеблей. И как они только там держатся? А как красиво гроздья светятся на солнце. Ярко и весело каждая ягода переливается в его лучах. Отдает янтарным духом. А как сладок виноград! Впитал в себя не только силу солнца, но и силу дикости, свободы.

Время идет незаметно, но ощутимо. Уж и осень промелькнула, и зима на пьедестал взошла. Ох, и сильны были морозы той зимой! Трещали не только дома деревенские, но и деревья лесные. Трещал на свой манер и виноград. Будто пугался мороза. Тяжело ему одному-то на краю деревни. Другие деревья по садам да по лесам попрятались, а он все один да один.

Но не всегда зиме быть владычицей. Пора бы и место весне уступить. Почувствовали деревья весну, начали цвести да листья распускать. Только виноград что-то запаздывает.

Уже и лето подоспело, а виноград все спит. Понятно стало деревенским ребятишкам, что не попробуют они винограда янтарного в этом году. Не пережил старожил этой зимы. И земля не заплетена лозою, и березки рядом стали оживать, чувствуя свое превосходство.

Через год, прогуливаясь за деревней, случайно подошел к месту, где раньше рос виноград. И, к своему удивлению, заметил небольшой росток дикого винограда, который гордо тянулся вверх, к солнцу, стараясь поскорее вырваться из старого корня и снова стать янтарным чудом деревни.

ИСПОВЕДЬ

Хорошо в лесу... Еще издали слышен тихий и мелодичный перезвон утренней листвы. Не время пока что душному воздуху подниматься из-под ног и устремляться ввысь, сквозь пышные кроны деревьев. А сколько здесь деревьев! И сколько уж лет возвышаются они над землей, защищая ее от знойного солнца. Любят в этом лесу бродить грибники осенью. Возьмут в руки плетеное лукошко и уходят в лес. В этом процессе ведь не самое главное -насобирать полное лукошко грибов. Важно просто побыть с самим собой наедине, подумать над своими проблемами и, с помощью леса, постараться решить их. Многие поговаривают, что лес помог им. Видно, что-то особенное в этом лесу.

Может, значение имеет возраст деревьев? Сколько лет лесу? Даже старожилы деревни не припомнят. Стоит этот лес здесь, создается впечатление, испокон веков. Кора деревьев от возраста огрубела, корни далеко и глубоко впились в землю.

А деревня... Совсем рядом проживает она с лесом. Уже поди соседями стали. Все трудности и неприятности вместе переживают. Пожар когда-то был. Так не только лес пострадал, много домов в деревне сгорело. А скоро уже стучали топоры. Падали деревья. Отдавал лес дань для постройки новых домов. Чувствовал лес себя виноватым. Только за что? Не лес ведь развел костер и забыл потушить его. Не лес ведь управлял ветром, разносящим огонь и направляющим его на деревню.

Я тоже внял местной традиции и любил прогуливаться по лесу. В голову приходят ностальгические мысли, о которых начинаешь размышлять, а не сразу раздавливаешь их на корню. Тихо в лесу. Только старая, опавшая листва шуршит под ногами и выдает твое присутствие.

На одной из просторных полянок вижу сидящего на пенке старика. Грустно он сидит на корявом пне, устало сложив натруженные руки.

- Здравствуйте, дедушка, - обращаюсь к нему.

- Приветик, милоч, - тихо отвечает старик.

- Что приуныли-то, - не отстаю.

- Да понимаешь, тут дело такое, - старик слегка замялся, - ладно, расскажу, коль спросил.

Я присел рядом со стариком. Он слегка откашлялся и продолжил.

- Жил я в деревне этой много лет назад. Ох, и не припомню уж, сколько времени прошло. Был я мальчишкой. Любил, знаешь, бродить по этому лесу. Просто так. Безо всякой корысти. Любил поговорить с деревьями, с самим собой. Не получается такого разговора в городе. Так вот, загулялся я однажды до поздней ночи. Думаю, нет смысла назад идти. И решил я уснуть под какой-нибудь сосной. А в эту ночь страшный пожар случился. Много лесу выгорело, да и деревню местную крепко задело. Проснулся я от сильного шума. Оказывается, деревья горели. Смотрю, сосна, под которой я спал, держит на себе другую горящую сосну. Мощно так, знаешь, ветвями впивается и не пускает огонь на меня. Выходит, что сосна эта жизнь мне спасла. Иначе привалило бы меня деревом и все, пиши пропало. После пожара я пришел на это самое место. Самым удивительным было то, что спасительница моя не

сгорела. Выстояла против огня. Поклялся я с того дня каждый день приходить на это место и благодарить спасительницу мою. Целый год проходил. А как-то заболел сильно. Пришлось отвезти меня в город. Судьба так распорядилась, что остался в городе на всю жизнь. Но не забыл про сосну-спасительницу. Всю жизнь совесть меня мучила, что нарушил я свою клятву, перестал приходить на родное место. И вот на старости решился, наконец, извиниться перед сосной, исповедаться ей, что ли. Долго пришлось мне поискать спасительницу мою. Нашел, наконец.

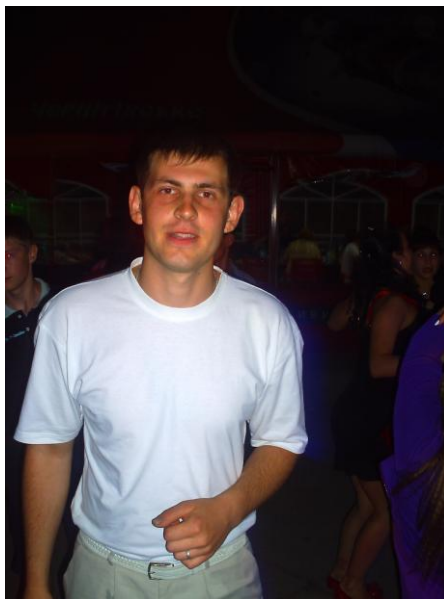
- Ну и где она, дедуль? Покажете мне эту героическую сосну?, - спросил я. Меня заинтересовала история старика.

- Видишь, милок, пень, на котором мы сидим?, - спросил старик.

- Вижу, дедуль, - ответил я.

- Так вот это она и есть, сосна, моя спасительница. И меня когда-то от пожара спасла, и сама выстояла, и теперь кому-то помогла печь растопить. Вот так-то, милок.

АЛЕКСАНДР ЧЕЛАКОВ

Родился 23.09.1988 в г. Дзержинске. Окончил Дзержинский горный техникум (2007) и Украинскую инженерно-педагогическую академию в г. Артемовске (2011) по специальности – инженер-электронщик. Работает на шахте «Новодзержинская». Печатается в интернете. С 2011 года является членом литературной студии «Муза».

ПАУК ВСЕМИРНОЙ ПАУТИНЫ

Знакомство с девушкой в сети
Ему по нраву много лет -
Такого можно наплевист,
За правду выдавая бред.

Симпатичен, но не Бог
Закомплексован, а напрасно,
И дифирамбы петь у ног
Вдруг стало признаком ужасным.

Он вёл в сети любви отбор,
Старался, как на фабрике.
За женских юбок перебор
Окутан славой бабника.

Встречался с Катей, Машей, Тиной,
Замучил чувством Интернет -
Паук всемирной паутины -
Ну а любви, как прежде, нет!

НОВАЯ СТРОКА

Снова голову ломая,
Темой нового стиха,
Прочная встает, глухая,
Твёрдая, как сталь, стена.

Не дает за рамки выйти,
В корне все идеи давит,
Не оставив прежней прыти,
Всё забросить вдруг заставит.

Но приходит вдохновенье
В неожиданных местах,
Замирают на мгновенье
Стрелки на ручных часах.

И плетутся рифм лианы,
Нитью вяжутся слова,

Проверяются карманы
Шустро, в поисках листа.

Клавишей клавиатуры,
Или ручкой чудака
В фонд родной литературы
«Лезет» новая строка.

ЦЕНЗУРА

Кто поэт? Ой, не смешите!
Вы известны, говорите?
Стих со сцены почитать?
Вас не пустят выступать!

Почему? Я вам скажу!
Здесь стихов не нахожу,
Что вы пишете, ей Богу!
Здесь и чёрт ломает ногу!

Пальцем рифму покажите!
Ой, ну только не кричите!
Головой с утра страдаю...
Что себе я позволяю?

Слушайте сюда! Пардон!
Графоман, подите вон!
Хам и жуткий аморал!
Надо ж! Стервой обозвал!

То ли цензор очень злой,
Иль поэт совсем плохой.
Всё у вас перед глазами-
Дальше выбирайте сами.

МУЗЫКАНТ

Во мне - великий музыкант!
Точу уменье год за годом.
Не пропадёт в конец талант,
Непризнанный моим народом!

Мой дар - врождённый тонкий слух -
Не балован богатым залом,
Чувствительный к октавам дух
Не нужен никому и даром.

Уменье проявить пытался
(Нет фальши в ноте, ни в одной)
И как я только не старался,
Но прогоняли с глаз долой.

С концерта шёл без роз домой,
А очень стать хотелось первым,
Жаль, нет профессии такой-
«Чудак, играющий на нервах»!

НАПУТСТВИЕ ТИРАНАМ

К демонам жестокости и силы
Идут народы на поклон,
Те их доводят до могилы,
А в результате - крик и стон.

И бьют челом они убийцам
Их собственной родной страны -
Вампирам, подлым кровопийцам,
С кривой ухмылкой Сатаны.

Костями заслуживший славу,
Не важно, царь он был иль вождь,
Под жёсткую мужчин расправу
Пролить кровавый любит дождь.

Надев одну из страшных масок,
Причин придумав гулкий рой,
Любуется сияньем касок
Солдат, поставив в чёткий строй.

Воздавши почесть ветеранам,
Проклятьем слово прозвучит
Всем власти жаждущим тиранам:
«Народ войны вам не простит!»

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ ВЕТЕРАНЫ

МИХАИЛ БЕЗМЕНОВ.....	6
ВАСИЛИЙ БЕРЕЗУЦКИЙ.....	10
ЕВГЕНИЙ СЕДНЕВ.....	14

«МУЗА» НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

ЛЮБОВЬ КАРНАУХОВА.....	25
ЛЮДМИЛА КАЛИННИК.....	37
АЛЛА ДАШКЕЕВА.....	47
БОРИС БОЧАРОВ.....	57
НАТАЛЬЯ ВУКОТИЧ.....	61
НИКОЛАЙ ГРИНЁВ.....	70
НАТАЛЬЯ ГУСЕВА.....	84
ИННА ОЛАРЬ.....	88
ВАЛЕНТИНА ПАЩЕНКО.....	94
СЕРГЕЙ СТРОПОРЕЗ (БОЛТЕНКОВ).....	99
АЛЕКСАНДР СУЩЕНКО.....	103
ЛАРИСА ФИРСОВА	108
АЛЕКСАНДР ЧИНЕНОВ.....	115
СВЕТЛАНА ШЕМЯКИНА.....	118

НАША СМЕНА

МИХАИЛ МАЛЯРОВ.....	130
ЯРОСЛАВ СЛУЦКИЙ	137
АЛЕКСАНДР ЧЕЛАКОВ.....	141

Літературно-художній альманах
«На семи вітрах»
Російською та українською мовами

Видання здійснено за рахунок авторів

Макет, обкладинка – І.А. Черняєв

Коректура – О.О. Ратундалова

Підготовка матеріалів - Світлана Шемякина

Формат 60x84/16.

Гарнитура Arial Narrow, Georgia. Друк офсетний.

Ум. друк. арк. 5,05. Обл.-вид. арк. 4,54

Наклад 300 прим.

**Колективне підприємство «Горлівська друкарня»
84617, м. Горлівка, вул. Горького-50.**